

Максим Велецкий

Несеть

Максим Велецкий

Несть

«Издательские решения»

Велецкий М.

Несть / М. Велецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966780-9

Необычный частный детектив Юрий Игнатов и его соратники не гнушаются никакими средствами для достижения своих загадочных целей. Ведомые мистическими озарениями, беспощадные к себе и врагам, они проходят стремительный путь от полуподполья до эпицентра исторических событий. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966780-9

© Велецкий М.
© Издательские решения

Содержание

Весть	6
Честь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Несть

Максим Велецкий

Редактор Сергей Кузнецов

© Максим Велецкий, 2019

ISBN 978-5-4496-6780-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весть

Смартфон Юрия Даниловича Игнатова мягко завибрировал на прикроватной тумбочке. На дисплее высветилось имя Алексея Барабаша.

– Алле, – почти беззвучно, глухо выговорил Игнатов и откашлялся. – Алло, – уже бодрее проговорил он.

– Юрик, привет! – как обычно весело вступил Барабаш. – Извини, что прогнал твоего Морфея, но дело важное. Ночью на Дунайском произошло легкое душегубство, – он усмехнулся. – Угробили некоего Денисевича Анатолия Олеговича, владельца конторки по ремонту бытовой техники. Тридцати пяти лет. В подъезде дома, между тремя и тремя тридцатью. Он зашел в подъезд, подошел к почтовому ящику и там же получил две пули – в плечо и в грудь. Скончался тут же, судя по всему. При нем нашли кредитную карту на имя Вахрушева, эээ, – на том конце слышалось шелестение бумаг, – да, вот, Вахрушева Петра Михайловича. В кармане был обнаружен пластиковый контейнер для сдачи медицинских анализов. В бумажнике водителя лежали три вырванных листа из книги «Homo ludens» какого-то Йохана Хёйзинги. С пометками. В руке был зажат красивый платок с вышитыми инициалами «М.М.В.».

– Тааак, – проговорил Игнатов заинтригованным голосом, в котором уже не слышалось отголосков недавнего пробуждения. – Интересную весть ты мне принес...

– Так вот, Юра, я чего звоню. Жена в шоке, показания дает неохотно, чушь какую-то несет, и – в слезы. Но когда я вошел в комнату часа через два после первых показаний, она, давась соплями, по компу пробивала адреса ближайших сыскных агентств. Видимо, нам зубы заговаривает, мол, врагов у него не было, бедный Петенька, ля-ля-ля, а сама хочет к вашему брату податься. Я зашел-то неожиданно, а она тут же закладку в браузере переключила. Вот я и подумал – дай-ка тебе позвоню.

– Добрый ты человек, Леша, – усмехнулся Игнатов. – Чего это ты меня решил куском хлеба одарить?

– Убивашки – всегда пичалька. Особенно для следователя. Дело мне поручили, а я зашиваюсь реально. Сам знаешь, на мне еще «уфимские лекари» и Алексахин.

– Ты его еще не закрыл?

– Как же. Закроешь с таким адвокатом...

– Гольцман?

– Если бы. Его вездесущность Сагалович Александр Семенович.

– Сильно...

– Я бы сказал, непосильно. Юра, и мне налик нужен. Прикрыли два моих подвала с игральными аппаратами. И дамский будуарчик в Купчино тоже. Маршрутки под себя прокуратура забирает. С этим кризисом я беднею день ото дня. Хочу тридцать процентов твоего гонорара.

– Ты же знаешь, я уже такими мелочами не занимаюсь... Но платочки – это интересно. Уже ведь не первый, да?

– Третий за год. Но оба раза они были у каких-то студентов убогих. Но там без насилия, вроде как. Один в ванне утонул. Другой после обильного самоистязания повесился в чужом гараже. Дела не мои были, подробностей не знаю. Но если ты сможешь эти три эпизода связать, то я вообще подполковника получу! Тогда с меня бонус – магнит на холодильник! – он снова искренне развеселился.

– А с чего ты взял, что у нее есть деньги на частное расследование? Может, это она от шока? Куда только люди не тыкаются, когда суженого кадавром делают...

– Милостивый государь, я с Вас смеюсь. Стал бы я звонить просто так. Они не на пособия живут – сразу видно.

– Сможешь мне к вечеру дела тех двух студентиков достать?

– Ну, тут запрос надо делать, Кристину теребить. Но я попробую. Ты, главное, вдовушку зааркань.

– Диктуй.

– Дунайский проспект, 26. Подъедешь, позвони.

Окончив разговор, Игнатов посмотрел на время звонка. Полежав на спине несколько секунд, он резко вскочил с кровати. Он был ростом чуть выше среднего, худощавый и жилистый, с короткими темно-русыми волосами, карими глазами и блеклым, бесцветным лицом. Подойдя к журнальному столику, он открыл большую тетрадь с надписью «Лиловая книжица», нашел соответствующую дату – 16.04 – и поставил в верхнем левом углу двоеточие. Ниже написал букву t и время звонка Барабаша – 7:09. Держа в руке блокнот, Игнатов подошел к окну. Обратив взор на близлежащую девятиэтажку, он стал записывать порядковые номера горящих окон, начиная с верхнего этажа.

– 9.2, 9.4, 9.9, 9.10, 9.17. 9.23, 8.1, 8.6... – вполголоса комментировал Игнатов производимые записи.

Умывшись и налив себе кофе, Игнатов подошел к двери одной из комнат в квартире. Дверь была железной. Он нажал на кодовом замке цифры 6, 7, 1, 9, затем вставил ключ в скважину верхнего замка и магнитную карту в подсвеченное пространство нижнего. Дверь открылась внутрь. В комнате мерцал слабый сиреневый свет. Игнатов сел на рабочее место, являвшееся необычной композицией трех предметов мебели. По центру это был обычный рабочий письменный стол. По бокам от сидящего стояли письменные ящики – три с каждой стороны. Слева располагался стол для игры в американскую рулетку. Справа стояла бывшая в употреблении бледно-желтая лакированная школьная парта с разнообразными надписями и рисунками непристойного содержания.

Игнатов вынул из левого верхнего ящика нераспечатанную колоду карт, сорвал с нее полиэтиленовую упаковку и, тщательно перемешав, положил справа от себя. Затем взял из правого среднего ящика потрепанную колоду и, не перемешивая, положил ее по левую руку. Далее включил компьютер, ввел пароль, дважды кликнул по иконке в виде мишени под названием «Колода». На экране высветилось четверостишие:

*Отринь больную,
Ищи больную,
И одесную,
И ошую.*

Игнатов нажал на виртуальную красную кнопку в нижней части экрана. Появились две цифры: 39 и 16. Он взял правую колоду, отсчитал сверху 15 карт. Затем взял левую колоду и убрал 38 верхних карт. Тридцать девятая и шестнадцатая лежали на колодах рубашками вверх. Игнатов одновременно перевернул обе карты. Левая была тройкой бубен, правая – дамой червей. Усмехнувшись, Игнатов взял мобильный телефон и набрал абонента по имени Анастасия Драгомарецкая.

– Настя, здравствуй, – мягко проговорил Игнатов.

– Юрий, доброе утро, – бодро отчеканила собеседница.

– Запиши в «Малиновую книжицу», что сегодня победила правая колода.

– О, как! – возбужденно сказала Драгомарецкая. – Двенадцать дней подряд, прямо на рекорд идем.

– И еще я окна сегодня списывал.

– Кто-то звонил? Что-то новое?

– Да. Но об этом позже. Настя, хватит испытывать Всевышнего! Надо основные силы перекинуть на дела правой колоды. В первую очередь, важно всё время сверять лабильные циклы с графиком посещений Вировлянского. Михаил Эдуардович доверяет нам и ждет результатов. Но важнее другое: если мы не сможем отследить пробелы в визитах к нему наших заклятых друзей из Серпухова, то грош цена всей карточной статистике, всем обзорам по действию новых психотропов, всей криминалистической карте карманных краж. А также, Настя, части твоих наблюдений в области дерматоглифики. Короче, следи за главным объектом, иначе плакала твоя диссертация.

– Ничего не плакало и не заплачет, – хрустя яблоком, парировала Драгомарецкая. – Вы разве не знаете, что циклы посещений находятся строго под моим контролем, благодаря тому, что охраннику, ведущему учет убытия-прибытия, засылается три соточки в месяц?

– Он нам чужой человек. Клятвы не давал, в Кириши не ездил, пальцы не окунал. С чего ты взяла, что ему можно доверять? Он может забыть, заболеть, забить и еще что-нибудь учудить, что испортит нам осевой коэффициент.

– Эраре хуманум эст, ясно дело... Но, знаете, там же журнал сверяется по камерам в офисе. Придут двое на вахту и скажут, что идут в офис в Вировлянскому. Камера пишет это, допустим, в 14:17, а в журнале нет пометок или они не синхронизированы – то бишь время стоит другое. Ему и влетит от старшего. Выходов на службу безопасности, ведущую съемку, у нас нет, но охрана – обычная охрана – на них оглядывается еще как. Потому откровенную лажу он писать не будет. Хотя я вообще не очень понимаю, для чего в офисных центрах вся эта система пропусков придумана. Они ведь двухкопеечные конторки охраняют, у которых кроме офисной техники нет ничего. А контроль – будьте нате. Не понимаю, – безучастно сказала Драгомарецкая и снова захрустела яблоком.

– Чего тут понимать? Где все эти фирмы свои уставные документы держат? И бухгалтерию? И всякие там «карманные расходы»? В офисе. А ты спрашиваешь, зачем охрана...

– А днем-то они зачем, и паспорта зачем срисовывают на входе? Поставьте камеру да бабу на ресепшене. Улыбчивую такую, белые зубы, маникюр, сиськи навывкате. А не делайте вид, что тут военная часть...

– Много воды, Настя. Не о том думаешь. К тому же, если не было бы такой отчетности, как бы мы пасли серпуховских... Пойми, это старая жесткая группировка. Понятнейшая. Я с ними еще с начала девяностых в контрах. Сможет этот наш супервахтер отличить их от остальных посетителей Михал Эдуардовича?

– Это несложно: брекеты на зубах, дреды. Я предупредила.

– Опасно. Давай поставим на ресепшен своего человека. Пупышева. Или Вагину.

– Не полезло ей с фамилией...

– Настя, это грубо.

– Грубо?! Я когда ее в контакте искала – знаете, сколько интересных аккаунтов нашла? Пусть будет нынешний охранник. Коней на переправе не меняют.

– Давай поменяем. И не надо спорить.

– Юрий, я у Вас работаю... Нет, нет так. Я Вам служу не для того, чтобы всё время подкакивать. Иначе в чем моя ценность? В нанесении продольных шрамов? В исчислении среднего арифметического по мухаметшинским столбцам? В объяснении с ходелками по дарственным? Я всё это к тому говорю, – голос Драгомарецкой стал мягче, – что Вы, как мне кажется, перестраховываетесь не там, где надо. И при этом переоцениваете самих серпуховских и полагаете, что даже если сам Вировлянский пойдет на уступки, то всё равно их конфликт будет длиться до Второго Пришествия. А я думаю, что удар первым может нанести Меликян, воспользовавшись тем, что гараж около южного авторынка сдан в наем до конца года. И до конца года Михаил Эдуардович никак не сможет туда войти и взять договоры аренды. Точнее, может, но для этого ему придется самому разыскать хозяина гаража в надежде, что тот согласится

пустить его внутрь и даст выйти с чужими бумагами. Вы бы пустили Вировлянского в свой гараж? Да пусть даже в чужой, сданный внаем? Да не в гараж даже... В самолет бы с ним один сели?

– Ты же знаешь ответ, Настенька, – тяжело выдохнув, сказал Игнатов.

– Так вот, что я думаю. Гарбуз не станет давить на серпуховских и теребонить Меликяна до момента, пока у него не истечет договор подряда с ТСЖ-912. А это не произойдет раньше декабря этого года. Представить себе, что председатель ТСЖ разорвет договор в одностороннем порядке, я не могу. По трем причинам, каждая из которых вам известна еще со времен «дела Кочеткова-Пригарина-Шура». Так вот, сам Гарбуз не станет давить на Меликяна. Но! Поскольку у Гарбуза есть конфликт хозяйствующих субъектов с печально известным ОАО «Estimated time», то вполне возможно, глава этого ОАО – Игорь Станюкевич, станет давить на Меликяна пунктом №9 приложения ко второму договору насчет лицензий. Лицензии выправлены правильно, спору нет. Но Меликян сделал крупную ошибку, когда не стал регистрировать название своего некогда вшивого ООО в качестве товарного знака. Он же тогда не знал, что к нему все федеральные сети выстроятся в очередь. И прохлопал ушами возможность стать крупным игроком. Что в итоге? Станюкевич давит на Меликяна в отместку Гарбузу. Гарбуз самоустраниется, так как любой арбитраж будет не в его пользу. Станюкевич ничего не выигрывает, но он азартен, как сказано в личном деле, и вполне может обострить ситуацию просто так, ради движухи. Меликян будет искать выходы на Торгово-промышленную палату, делать предьявы Омельченко, но это всё мертвому припарка. А тут он вспоминает, что рядом есть этот же самый Вировлянский, с которым по-любому придется договариваться. Вот и может подумать Меликян наш Георгий, что, заключив сделку с серпуховскими, он может запросто, ну, как бы сказать мягче...

– ...интенсифицировать...

– ...оно самое! Интенсифицировать переговоры с Вировлянским и потребовать пересмотра контракта под гарантии банка. А банк, учитывая идеальную кредитную историю Меликяна, даст ему закладную за милую душу! Вот и получится, что серпуховские будут ходить в офис к Михал Эдуардычу не токмо уговаривать шаромыжничать за одну треть от квартального прибытка, но и станут просить быстро переделать лицензии якобы под новые ГОСТы.

– Это всё ежу понятно, Настя, – устало отвечал Игнатов, – но ты лучше меня знаешь, что никакими картами из правой колоды, никакими заверениями Вельяминова, никакими плясками могиле Беседина мы не оценим вероятность реальной опасности для Вировлянского. Потому в наших силах только одно – сверять, сравнивать, оценивать, предупреждать Михаила Эдуардовича. Делать первый шаг – опасно, потому что потом Вировлянский нас же обвинит в сговоре с серпуховскими, повесит на нас расходы по обслуживанию терминалов оплаты и получит возможность переметнуться к Станюкевичу для сдерживания Гарбуза. Тогда Станюкевич обрстет еще несколькими щупальцами, которыми легко можно опутать как Вельяминова, так и Кршиштановского. И тогда ни Платов, ни Рябко не смогут вывести свои доли через фирмы-однодневки в Черногории.

– Смогут, – уверенно сказала Драгомарецкая. – Я уговорила обоих на процент с обнала. Подключайте Шарафутдинова.

– Ну ты, Настя... Еще так будешь работать лет пять, прибавлю зарплату... – усмехнулся Игнатов с явным восхищением в голосе.

– Я еще лет пять так поработаю, обещаю. Деньги меня не интересуют. По крайней мере, маленькие. Лучше закажите уже у Мокшина новую химическую посуду. С этой я уже намучилась. Ну, правда, пожалейте рабу Божью Настасью.

– Не буду, – отрезал Игнатов.

– Тогда я за сделанную химозу не отвечаю. Вы сейчас на Крестовский, смотреть за Сулаквелидзе?

– Нет, сейчас я на Дунайский, там сегодня мужичок от пули околел, буду навязываться безутешной вдове.

– Кто подсобил? Елдышев?

– Нет, Барабаш.

– Он – дебил. Зачем Вы с ним связываетесь опять?

– Интерес мой не в том, чтобы еще один заказ взять, а в платочке «М.М.В.» и вырванных страницах в бумажнике.

– Шутите?

– Уф... Настя, почему «шутите»?

– Это вообще не компетенция Барабаша по определению, этим занимается ФСБ.

– Перестало заниматься уже месяц как. Потому как стало понятно, что ранее убитые с такими же платочками никак не связаны с утечкой данных из таможенной службы. И они сразу отдали это Следственному комитету.

– Почему я об этом не знаю?

– Это я тебя хотел спросить. Ты, вот что, Настя: подготовь мне список проживающих по адресу: Дунайский проспект, дом 26. В алфавитном порядке, исключая престарелых мужчин.

– Вам нужны проживающие или прописанные?

– Прописанные, конечно. Проживающие важны, когда берешься за амурные дела. А тут смертоубийство.

– Сделаю через два часа.

– Всё, Настя, я поехал, спасибо.

– Погодите. Не могу не поделиться опасениями. Я боюсь, что эти платки у нас только время отнимут. Дел-то немерено.

– А я чувю, что там что-то очень важное для нас кроется. Не могу объяснить. Кстати, о чуйке. Ты вчера закупила?

– Да, и, по-моему, экземплярчик отменный. С выдержкой, но без жести. Х/б.

– Это хорошо. Атлас мне уже обрыднул. И Настя! Не забудь про Шамрикова.

– Я скорее про Локтионова забуду, чем про Шамрикова!

Выехав на внутреннее кольцо окружной автодороги, Игнатов вскоре был остановлен на посту патрульно-постовой службы взмахом полицейского жезла. Он опустил стекло своего внедорожника и дождался высокого крепкого проверяющего.

– Сержант Кротов, проверка документов, – сухо отчеканил человек в форме.

Игнатов протянул бумажник водителя.

– Страховка? – спросил сержант.

– Вот, вот моя страховка, – Юрий указал на иконки на торпедо.

– Ясно. Свидетельство о регистрации тоже там? – спросил сержант с недоброй улыбкой.

– Там всё. Я тороплюсь. Привет Вам от генерала Волчкова, будущий лейтенант Кротов.

Сержант проигнорировал последнюю реплику, внимательно посмотрел на водительское удостоверение и передал по рации данные автомобиля. Вскоре рация прошуршала свой вердикт.

– Николай Васильевич, – обратился он к Игнатову, – данный автомобиль находится в угоне. Прошу Вас выйти из машины.

– Не надо корчить из себя, сержант. И я не буду. Баш на баш.

– Выходите из машины. Неподчинение сотруднику...

– Позвони Стеклову. Не глупи, я ж о тебе забочусь!

Кротов резким движением вынул оружие и направил его на Игнатова.

– Сержант, лучше не стоит! Боборыкин по головке не погладит.

После серии увещаний и угроз Кротова Игнатов вышел. Сержант заковал его в наручники и привел в помещение поста. Внутри никого не было.

– Дурак ты, Кротов! Ты же тут один, тебя никто не хватится. Отпусти, как отец говорю!

Полицейский по рации доложил обстановку – ему приказали ждать подкрепления, при этом запретив проводить дознание и вести какие-либо записи. Через пятнадцать минут, в течение которых Игнатов снисходительно глумился над Кротовым, в комнату вошли трое. Юрий побледнел. Седовласый подполковник Госавтоинспекции внимательно оглядел задержанного, сидевшего на стуле.

– Оп-ля! Игнатов! А я-то думал сам к тебе заглянуть! – он раскатисто рассмеялся, – а ты, значит, сам ко мне! Сержант, доложи по форме.

Тот откашлялся.

– Товарищ подполковник, в рамках оперативно-розыскных мероприятий по ориентировке №214 мною был задержан гражданин Брославский Николай Васильевич, управлявший...

– Не так, не так! Ты слышал, как боксеров представляют ведущие? Иииииии, в левом углуууууу, поооооприветствуеееем великоиужааааасноо – далее пауза-пауза-пауза – Бро-ооослааавскоого, аплодисментыыыыы!!! А судья так резко: «Бокс»! И раз, раз, раз, раз! – он быстро отвесил Игнатову несколько внушительных оплеух.

Сержант попятился назад.

– Знаешь, Игнатов, тебе давно пора огороды сажать да наливки гнать, а не этим вот заниматься. У меня уже коллекция твоих фиктивных документов. Теперь вот каким-то Брославским заделался, гад. Я тебе еще месяц назад сказал – на внутреннее кольцо не суйся, тут тебя даже Гедеонов не хватится! Это мое кольцо! Это моя дорога! Усек, мразь?

Игнатов вобрал голову в плечи:

– Дай мне, Валентин Ильич, хотя бы... Я не спасую. Ветер в спину, как говорится... Не будет больше этой мешанины январской... Я уважаю Светлану. Поверь.

Офицер задумался.

– Я тебе верю. Но «дело прочно, когда под ним струится кровь». А ты со своей демагогией... Хватит этого! Нужны новые люди! А ты? Ты-то каков?

– Я не новый, Валентин. Я обновленный. И не тебе тянуть эту лебедку. Закреф постигнут. Я всегда бью только обухом, так что лезвие смотрит на меня самого.

Подполковник лягнул Игнатова ногой в грудь. Тот вместе со стулом опрокинулся назад.

– Помни, Игнатов, что мне стоит сделать два звонка, и ты на этой трассе будешь милостыню собирать с утыгами в руках. И не зачтется тебе, что мы тогда с тобой блокадницу хрому в четыре ноги напиздячили. Хотя... к чёрту всё! Звоню крайним, – подполковник сплюнул на Юрия.

– Дай мне ход! Два хода!

– Уже звоню Желудкову.

– На Кольцевой есть место под асфальтом, где... Я покажу! Там, где кофр! Митя, пожарник, его ищет!

– Мне до одного места, Юрий, что там ищут пожарные. Шланг свистку не товарищ.

Глаза Игнатова налились яростью.

– Ну и хуй с тобой, мудака тупорылый! Хочешь драки – будет драка.

Подполковник отложил телефон и хлопнул в ладоши.

– Ну наконец-то! Да! Точно! А я всё... всё мямлю: «надо, не надо», «еще рано, уже поздно». Действительно! Ну, голова! Це діло, как говорят еуропэйцы! Лейтенант, как думаете, что делать с этим гражданином? – он посмотрел на сержанта Кротова.

– Не имею понятия, товарищ подполковник! И я сержант.

– А можешь стать лейтенантом. Если хочешь, – он вопросительно посмотрел на младшего коллегу. – По глазам вижу, хочешь.

Сержант резко вытянулся по струнке, всем видом выражая искренний энтузиазм. Все пятеро, включая поднятого с пола Игнатова, вышли на воздух и проследовали к проему в высоком бетонном заборе, разделявшем автодорогу и прилегающую промзону. На земле лежал всё еще не растаявший апрельский снег.

– Вот тут, вдали от посторонних глаз, мы с тобой, стукачонок, и порешим, – зло цедил подполковник.

Освобожденный от наручников Игнатов потирал запястья.

– Чего тут решать, Валентин Ильич? Ставки сделаны. All-in.

– Эх, молодежь! Ооолл-ииин! – передразнил Юрия подпол. – Говори «ва-банк», пятая колонна. Лейтенант, держи крепко! – он протянул постовому боевой нож. – А ты, Игнатов – как ты любишь – мистикой своей оборону держи. Давайте, ребзя, погнали.

Валентин Ильич с двумя сопровождающими отошли в сторону. Юрий с соперником остались около стены. Кротов был выше Игнатова на полголовы и имел значительно более внушительную мышечную массу.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться... – начал явно опешивший от происходящего сержант.

– Чего мямлишь?! Чего глаза отводишь, рядовой Кротов?! Чего тебе не ясно?

Полицейский медленно, сосредоточенно сглотнул ком в горле и твердым взглядом посмотрел на подполковника.

– До... первой капли, так?

– До последней, лейтенант, – отрезал тот. – Еще вопросы?

– Никак нет! Разрешите выполнять? – с прежним энтузиазмом пролаял сержант. Валентин Ильич с неудовольствием посмотрел на него и небрежным жестом дал отмашку.

Игнатов снял верхнюю одежду, оставшись в футболке, вынул ремень и намотал его на левую руку. На кулаке блестела массивная пряжка с циркулем и наугольником, прикрывавшими серп и молот. Подполковник начал обратный отсчет.

– Ну а теперь взаправдууу... Бокс! – рявкнул он.

Игнатов начал без промедлений: в прыжке он оттолкнулся левой ногой от стены и правой ударил сержанта в район груди. Тот успел выставить блок и погасил выпад, но Юрий провел еще один резкий удар ногой по колену. Кротов, теряя равновесие, сделал два неуклюжих шага назад, а затем перекатился влево. Не дожидаясь, пока тот распрямится, Игнатов прыгнул на противника двумя ногами, но последний удачно схватил его за штанину и потянул за нее вверх. Игнатов всем телом упал на спину. Сержант попытался нанести удар ножом лежащему сопернику в район солнечного сплетения, но Игнатов подставил руку с пряжкой под нож, отчего рука атакующего скользнула вправо. Кротов по инерции подался вперед и повалился на Игнатова, который другой рукой засветил ему в челюсть. Дезориентированный постовой, лежа на Юрии под прямым углом, не успел вновь занести нож для удара, чем воспользовался противник, резко ударив замотанным кулаком по запястью, сжимавшему холодное оружие. Ладонь разжалась, и нож выскользнул из руки сержанта. Вопящий полицейский попытался ударить Юрия лбом в подбородок, но попал ему чуть ниже ключицы. Голова неудачно скользнула по телу Игнатова, в результате чего постовой слегка ударился носом. Игнатов не слишком сильно ударил рукой с пряжкой противнику в ухо, но этого хватило для того, чтобы порвать тому ушную раковину. Не тратя ни доли секунды, Игнатов снова провел жесткий удар в основание черепа, что позволило ему не только окончательно довести Кротова до состояния грогги, но и оттолкнуться от него. Игнатов выскользнул из-под противника, сведя на нет неловкие попытки последнего перевести борьбу в партер. Подхватив бесхозный нож, Игнатов метнул его в голову сержанта, но Кротов успел прикрыть ее обеими руками. Нож почти насквозь прошел предплечье, но не повредил голову. Сержант яростно закричал и повалился на бок. Ловкий Игнатов в очередном прыжке попытался вынуть нож из сержанта, но лезвие сильно ушло

в плоть и не поддалось. Из-за этого Игнатов приземлился не слишком удачно, дав постовому едва ли не первую с начала боя свободную секунду для возвращения в реальность. Вопящий сержант героическим усилием всех конечностей отпрыгнул от земли и встал на ноги. Юрий хотел продолжить атаки, но понял, что нуждается в нескольких спокойных вдохах и выдохах.

– Раунд! – рявкнул подполковник.

Кротов судорожно откашлялся. Кровь, слезы, слюна и носовая слизь, смешавшись, сделали его похожим на раскаявшегося вампира. Постовой потерял равновесие и упал на пятую точку. Нож по-прежнему торчал из предплечья.

Игнатов набрал полные легкие воздуха и встал в гордую позу, уперев руки в бока.

– Да, денег на вас не заработаешь. Я еще третью затяжку не сделал, а вы уже почти закончили. Откуда такая торопливость? Где же эти переминовения с ноги на ногу, взаимные поклоны, угрожающие взгляды! Почему ты, скотина, – он обратился к похрипывавшему сержанту, – не сказал этому ушлепку что-то типа: «Прости меня, но я должен! Честь имею!» и всё такое? А ты, Игнатов-Брославский, почему не ответил: «Пусть победит сильнейший!». Никакого достоинства, никакого уважения к себе и к сопернику. Вы не рыцари, друзья мои! Вы гопники.

Игнатов непринужденно вддел ремень в брюки. Подполковник был явно расстроен.

– Мерзавец ты, Юрий. Устроил из дуэли какую-то корриду. А этот, – он брезгливо указал на Кротова, – будет разжалован.

Сержант зашелся пуще прежнего. Он поднял молящий взгляд на офицера.

– В... в... в... ря... рядо... рядовые... што... штоли? – голос его дрожал от боли, холода и ужаса.

– Нет, друг мой. Из живых – в мертвые. Игнатов, улетай отсюда. Пулей.

Юрий подобрал куртку и вышел через ворота. Подойдя к своему автомобилю, он услышал два пистолетных хлопка по ту сторону стены. Быстро переодевшись в запасной комплект одежды, он уехал с поста.

Игнатов уже переехал на Левый Берег, когда ему вновь позвонил Барабаш.

– Юра, притормози. Прокуратура нагрянула. Тебя они видеть не должны.

– Почему? У меня с ними всё перетерто.

– Не всё. Приехал Иотаутис. Он тебя не должен приметить – даже издали.

– Ох... Он разве не в отпуске?

– Сегодня с утра неожиданно вернулся на службу.

– Сколько он еще там пробудет, как думаешь?

– Ты же слышал про Иотаутиса – его в дверь, а он в окно. Такая зануда может три часа волюнку тянуть.

– Не понимаю, почему он на меня ополчился. Мы же даже не знакомы. Чего он справки наводит постоянно? Чем я его задел?

– Ты, дорогой человек, сыскарь первоклассный, но в психологии человеческой ни черта не смыслишь. Простые людские эмоции, такие как обида, гнев, ревность, радость и страх не свойственны страдающим профессиональной деформацией, коим является Иотаутис. А я, знаешь ли, и сочувствую ему, и вместе с тем завидую таким толстокожим натурам. Он почти машина делопроизводства, идеальный служащий – не просто ничего личного, но и никакой личности. С тех пор, как погиб Плигин. – Голос Барабаша посерьезнел. – Иотаутис любил его до самоотречения, до истомы душевной. Казалось бы, что может быть у них общего – вялолицый 120-килограммовый советник юстиции и будто вылепленный из мрамора заслуженный артист цирка, ан-нет – до остановки кровотечения, до почернения фаланг пальцев от концентрации сигаретных смол. А ты спрашиваешь – «чем задел?»... Да он плевок в лицо забудет через минуту. Если плюнули в него не при исполнении, ибо тут уже статья.

– Плигин был двурушником и вертопрахом. Горит в аду – и поделом ему. Чего стоят его фокусы с овощебазой!

– Человек слаб. Благодаря этому тривиальному факту у меня есть звание и должность, а у тебя – хлеб насущный, – Барабаш усмехнулся. – Анекдот недавно хороший услышал. Мужик едет на пригородном автобусе в маленький городишко. В конечном пункте спрашивает водителя: «Есть ли у вас в городе бордели?». Тот отвечает: «Нет, у нас очень пуританский городок, но есть одна тема: вечером идите на кладбище. Рядом с церковью каждый день до полуночи молится одна монахиня. Подойдете и скажете, что, мол, так и так, дочь моя, я Иисус, так что отсоси мне. Она поверит и отсосет». Мужик вечером приходит к церкви и видит монашку – ну и говорит ей всё как водила велел. После завершения процесса, короче, решил постебаться над ней. Я, говорит, тебя обманул. Я не Иисус, а просто турист. Она отвечает: «Это еще кто кого обманул! Я не монахиня. Я водитель автобуса».

От смеха Игнатова растащило на истерический фальцет.

– Вот за что я тебя, Юрик, люблю – ты всегда смеешься над моими анекдотами. А жена и дочка их не понимают!

Игнатов окончательно успокоился и вновь вернулся к изначальной теме.

– Скажи мне, Алексей, если я всё же наткнусь на Иотаутиса, чего ожидать?

– Вопросов про Крапивина, как минимум. Это только то, что лично я знаю о его интересе к тебе. Ну и по всем другим своим художествам – будь готов.

– А про Крапивина что ему отвечать? Или послать подальше – «присылайте повестку»?

– Не обостряй. Говори то же, что и до закрытия дела. Скажи, мол, очутился у него на даче волею случая. Руки у него не было еще с вечера. Дверь в свою комнату он выломал сам. Баню поджег не ты. В подполе ты оказался из-за глупой шутки покойного. Собаку повесил он.

– Понял, спасибо. Я чист как слеза праведницы.

– Ага. Той, из анекдота.

Игнатов снова зашелся в радостном исступлении.

– Мне сообщат, когда он уйдет. Поскучай пару часов.

Игнатов стоял на обочине дороги и пролистывал список контактов в телефоне.

– Эрнест Карлович, здравствуйте. Я рад, что Вы, наконец, мне ответили.

На другом конце послышался тихий грудной голос.

– Юрочка, дорогой, как Ваше здоровье?

– Вашим заступничеством перед Всеблагим, – мягко и без иронии произнес Игнатов, – иначе не могу объяснить недавнее исцеление.

– Я думал о Вас ежедневно, навел справки через Всеволода. Получили мои гостинцы?

– Конечно, Эрнест Карлович, трапедии отменные. Стопроцентное попадание. Хотел бы сейчас заехать к Вам – правда, у меня всего пара часов.

– «Всего пара часов». Надо же как... – собеседник медленно выдохнул, – «Всего пара часов». Всего, да не всего. Время... Знаете, на днях у меня случился приступ радикулита. Вы уж не сердчайте на эту мою откровенность – знаю, что не любит молодежь разговоры про болезни стариковские, но... Я не жалею, нет. Я в строку Ваших, Юрочка, слов.

Он тяжело выдохнул, собираясь с силами.

– Так вот, радикулит. Неудачно повернулся и застыл. Ни с места. Посреди Синей Комнаты. Боль была адская – ни выдохнуть, ни вдохнуть. Как вкопанный стоял. И, знаете, Юрочка, страх, страх... Не головной и даже не сердечный – прям-таки сквозной, нутряной, осевой. Умом понимал, что нужно перетерпеть, переждать, перестоять. Через час-другой должны были прийти мои курды. Немного побуду памятником, думаю. Но душа мечется, вот в чем дело. Некуда ей деться, ни миллиметра свободы. Понимаете, Юрочка, если у памятников есть души, то эти души несчастнее тех, что томятся в геенне огненной. Потому что там, в пекельном цар-

ствии, им дозволено возопить, забиться в агонии безумной, а тут... Тут даже вдох давался с болью. Знаете, будто в воздухе растворили эссенцию страдания. Казалось, будто мой паралич своим источником имеет пространство, поглощаемое легкими. Так и памятники – им не закричать, не заплакать. Только представьте себе такую нулевую точку свободы. Попробовал спустя минут пять пальцем пошевелить – так этот еле заметный сигнал от мозга к конечности тут же был перехвачен той невидимой анакондой, что намертво вцепилась мне в спину и обвила осто́в. Я через силу перевел взгляд на стену в поисках какого-нибудь духовного утеса, о который смогу опереться на время паралича. И, знаете ли, нашел. Старые настенные часы. Тикают негромко, слышны только в полной тишине, когда слух заострен, как наконечник ахиллесова копыя. Я, что называется, уцепился за них. Вгляделся, впился. Мне невыносимо было быть собой, ох невыносимо, невозможно, неподъемно, нестерпимо. Я должен был переместиться вовне. Я слился с секундной стрелкой, я познал ее, понимаете? Каждое ее положение сделалось для меня особенным. Первые десять секунд минуты она проходит деловито и молодцевато, вторые – бодро и осмысленно, третьи – медлительно-озадаченно, четвертые – скованно и осторожно, пятые – на пределе сил, на экстремуме воли, последние – на втором дыхании, но непреклонно. Путь от нуля до нуля более трагичен, чем гибель всего живого. Хотя бы потому, что когда гибнет мир, то он гибнет, а стрелка должна идти дальше, без пауз, без оглядки. Можно ли представить жизнь, в которой нет места взгляду назад? Я не мог оглянуться назад, я был превращен в окаменелость беспощадным ходом биологических жерновов. И она не могла. Мы были заодно, мы были одним. Это не литературная красивость, не барочная завитушка на фасаде речи – это чувство: физиологическое, клеточное, мышечное. Через двадцать-тридцать оборотов ее-меня я почувствовал, что насыщаюсь временем, поглощаю его, просеиваю его. В какой-то момент я понял, что совершенно счастлив. А когда шестипудовая фея в синем костюме сделала мне инъекцию вольтарена, и я смог вытянуться на кушетке, то испытал ангедонию, страшную тоску по утраченному экзистенциальному ориентиру, ностальгию по боли и страху, въевшихся в вечный круговорот времени.

Игнатов помолчал.

– Так можно к Вам заехать?

– Нет.

Эрнест Карлович повесил трубку.

Спустя три часа невысокая женщина в махровом халате наливала Игнатову белый чай.

– Я всё-таки не понимаю, чем Вы можете мне помочь. Я рассказала всё, что знала. И всё, о чем догадывалась. И полиции, и следствию, и прокурорам: они судились с братом за наследство свекра. У Толи были долги перед арендатором. Всё.

– Инесса, Вы действительно уверены, что я ничем не могу Вам помочь? – спросил Игнатов с интонацией заговорщика.

Она пожала плечами.

– Варианта всего два. Следователи их отработают, я думаю. Я надеюсь.

– Из меня плохой менеджер по продажам собственных услуг. Но у меня есть основания думать, что я смогу быть Вам полезным.

– Это из-за вкладки на компьютере? Вам сообщили опера?

– Не буду скрывать – да. Зачем же Вы искали то, что искали?

– Да просто они вели себя ужасно! Полиция еще ничего, а когда следователь приехал, то... Он приземистый, перекаченный такой – вообще не приступал ни к чему, пока не сделал себе два бутерброда. Хам. И дебил. Насвистывал какие-то мотивчики блатные. И это в такой момент! – ее голос сорвался на крик и перешел в слезы.

– Барабаш не меняется, – вполголоса произнес Игнатов, понимая, что рыдающая вдова не расслышит его слова.

– Я... я бросилась искать кого-то... кого угодно, кто не такой, как он!

– Почему же Вы сейчас передумали?

– Человек из прокуратуры был совсем другой. Очень вкрадчивый, щепетильный. Сказал, что надзор за следствием осуществляет он, а потому не даст этому... ну, который дебил – убрать дело под сукно. Так что...

Игнатов встал.

– Я знаю этого прокурора. Он профи. Но он долгое время жил с цирковым артистом – я бы не доверял человеку, которого использовали вместо батута. Вот моя визитка. Если буду нужен, звоните. Один вопрос задам. Откуда у Вашего мужа платок с вышивкой?

– Не знаю!

– Вы замечали в его поведении нечто странное? В последнее время.

– Нет, еще раз нет! Почему же вы все одно и тоже мусолите! Не знаю! Не знаю!!!

– Он не был членом какой-нибудь секты или политической организации?

– Никогда! Мой муж был совершенно аполитичным, глубоко верующим человеком, добросовестным прихожанином Русской Православной Церкви!

Она подняла на Игнатова заплаканные глаза.

– Помню... наизусть помню его любимое, – она с усилием сглотнула и начала читать тихим, сбивающимся голосом. – Новое чудо бысть: тойже бо Ангел явився святителю Илии, повеле ему дати сельце то на вселение ти и церквицу на молитву, еже и сотвори святитель абие. Сия поминающе, тако тя величаем. Радуйся, ангельски пожившая, радуйся, Ангела Господня узревшая. Радуйся, сладкия беседы его причастнице. Радуйся, яко и пред святителем ходатай бе о тебе. Радуйся, Ангелом и на всех путех твоих храненная. Радуйся, кровом крил его огражденная. Радуйся, не преткнувшая ноги твоея о камень гордыни. Радуйся, сего ради видения зрака ангельского удостоенная. Радуйся, яко явился ти...

Игнатов на последних словах начал тихо начитывать ей в унисон:

– ...яко явился ти, иже зрит лице Отца нашего Небеснаго. Радуйся, не прогневльшая хранителя ничимже суетным и греховным. Радуйся, сего ради радостныя вести удостоенная. Радуйся, Евфросиние, невесто Христова всечестная!

Инесса вновь подняла на Игнатова заплаканные глаза, в которых читалось искреннее изумление.

– Побратаемся? – полуутвердительно спросил он.

Она медленно поднялась со стула и подошла вплотную к Игнатову. Они трижды расцеловались в щеки. После паузы он взял вдову за плечи и вкрадчиво спросил:

– Вы готовы поклясться всем святым, что Ваш муж был всецело христианином?

Инесса потупила взор и присела.

– Толя... да, почти... он только... были у вопросы. Чисто теологические. Но важные с точки зрения.

– И какие же вопросы у него были к православному вероучению? – спросил Игнатов с нотками предсуждения.

– Ну, вот этот момент, например, насчет двух природ в Иисусе Христе... Теория диофизитства представлялось ему немного надуманной...

– У него были какие-то восточные корни? Из тех народов, которые монофизиты, а не диофизиты? Армянские, например?

– Нет-нет, дело тут отнюдь не в корешках, а как раз таки в вершках, – она дважды указала пальцем на висок. – Толя совершенно естественным образом пришел к осознанию, что догмат о двух природах Иисуса нелогичен...

– Но как же быть с формулой Халкидонского Собора? Человеческое и божественное во Христе нераздельны и неслиянны. Что же тут неверно, на его взгляд?

– Толя был логиком во всём. Он считал, что раз две сущности Христа суть едины, то также они должны быть и противоположны. Как бы диалектически, я... не очень в этом разбираюсь, я по профессии акушерка...

Возникла пауза. Затем Инесса продолжила:

– Так вот божественная и человеческая природа... они не могут быть равноценны, равносильны, потому один... как бы...

– Один фюзис должен доминировать над другим?

– Да, именно. Он так полагал. Ведь иначе получается не столько органическое единство, сколько конфликт! Сын Божий суть Спаситель, а не кентавр или оборотень, знаете ли...

– Нетожество между природами Иисуса никогда и не отрицалось в греко-латинской ортодоксии. По божеству Иисус единосущен Отцу, а по человечеству – людям. Нет и не может быть тут ни единства, ни конфликта. Разве вопль отчаяния в Гефсиманском саду не является свидетельством человеческого в природе Христа? Он дал слабину как человек, отчаялся перед лицом будущих мук – собственных, и учеников его, и матери своей, и братьев, и сестер от матери своей. Тут перед нами человеческая трагедия, не так ли?

– Но ведь Троица существовала всегда? До вочеловечивания Христос был органической частью этого единства. Толя был убежден, что после вознесения во плоти Он должен был изменить, понимаете, неизбежно, непременно изменить Троицу. Так как Его природа двойственна, то вместо Троицы мы получаем Четверицу, а это уже...

– Пифагор.

– Скорее, Хайдеггер... Но ведь Троица существует неизменно, и Иисус неизменен... Толя считал, что греки сами себя запутали, а в результате ближе в Истине оказалась не Эллада, а эллинистические государства – Антиохия, Египет и прочие. Они не гнушались его человеческой природы, но и не ставили ее вровень с бессмертной. Ведь если природа человека тварна, а причина сотворения вечна, то сотворенное всегда будет ниже сотворившего, думал Толик. А ежели онтологически беспредпосылочное начало и полностью зависимое от него творение сольются в одном лице...

– То как же тогда они смогут стать равными, так?

– Именно! Вы прям-таки цитируете Толю. Так вот также как животное начало в человеке существует не наравне с началом разумным, но подчиняясь ему, так и человеческая природа не могла существовать во Христе наравне с божественной, ибо неравное не может быть равным равному. Это нетождественное может быть тождественно тождественному, как доказывал...

– Пифагор.

– Скорее, Гегель. Но равное не равно тождественному, а неравное не тождественно нетождественному, потому во Христе не мог работать этот принцип. И ровно поэтому же не мог работать и другой – о независимости двух природ друг от друга.

– Но ведь церковь и не уравнила эти природы, а всего лишь соединила их, разъединив. Помните, Лев Великий писал, что «ни малейшей неправды нет в этом единении, так как совместно существуют и смирение человека, и величие Божества». То есть предикатом божества здесь выступает величие, а предикатом человечности – смирение, а величавое и смиренное по определению не могут быть равноценны.

– Да, но ведь и сторонники единой природы не отрицали человечность Христа, но лишь утверждали ее поглощенность божественностью. Но богословы, замороженные греческой логикой, стали громоздить Платона на место Христа – и Христа подлинного забыли. Толя так считал.

– Ну почему же забыли? Пусть христианство и черпало свои философские основания не столько в текстах Евангелия, сколько в неоплатоническом учении – но именно отсюда вышла преемственность между библейской и языческой традицией. Так была познана Истина.

– Истина ли? Или язычество, на которое ранними ектлесиями была выброшена, как выражался Толик, мантия христианской моралистики?

– В итоге получается, что помимо христологических сомнений, у Вашего мужа были также возражения против догмата троичности в его ортодоксальном виде.

– Толя склонялся к чистому монотеизму. Не отрицая Христа. Но Христа как Бога по благодати, а не по единосущности с Отцом.

– Арианство?

– Скорее, несторианство. Я слабо в этом разбираюсь, я акушерка.

– Зайдем с другой стороны. Как бы христианство не было зависимо, скажем, от Плотина, мы всё же не можем отрицать очевидные факты. Факт есть, его форма и содержание неоспоримы, ежели только не умножить, а тем самым зачастую и развенчать его причину и его телеологию. К таковым фактам относится и то, что у Вашего мужа была при себе найдена баночка для анализов. Какова, на ваш взгляд, телеология этой энтелехии?

– Речь здесь идет не о субстанции, а об акциденции.

– Я не люблю Аристотеля. Поясните, пожалуйста.

– Насколько я знаю, Толя ничем не болел. Но он был немного скрытным человеком, не хотел меня расстраивать по пустякам. Всё может быть.

– Он имел, простите за прямоту, слабость к слабому полу.

Она закурила и вперила в Игнатова прямой взгляд.

– Трахал всё, что шевелится.

Они весело рассмеялись.

– А кто такой Петр Вахрушев, визитка которого была найдена у Анатолия?

– Это друг Николая Кирилловича Аполлонова.

– Вот как? Тогда всё понятно. А Ваш муж хорошо знал Аполлонова?

– Не хуже любого другого человека, – она пожала плечами.

– Линия их взаимодействия проходила, я так понимаю, именно через Вахрушева?

– Нет, через Прохоренко.

– А Прохоренко бывал у Вас дома?

– Нет, но мы у него бывали нередко.

– Сердарова там всегда была?

– Только, если точно знала, что явится Марат.

– Неприятный тип.

– Зато прекрасный маммолог.

Игнатов выдержал паузу, собираясь с мыслями.

– Поверьте, Инесса, для меня это дело отчасти личное, и я готов расследовать его исключительно ради установления истины. Почти той самой, к которой так стремился Ваш муж. Но у меня будут расходы. Мне нужно всего двести тысяч рублей, и через месяц виновные предстанут либо перед судом, либо перед Богом. Если следствие, подстегнутое прокуратурой, найдет виновного раньше меня – обещаю вернуть деньги в полном объеме.

Вдова медленно встала и скрылась в коридоре. Через две минуты она вернулась и протянула Игнатову мятый конверт.

– Здесь двести пятьдесят. Побратаемся?

Они снова трижды расцеловались в щеки.

Сев в автомобиль, Игнатов открыл «Лиловую книжицу», каллиграфично вывел «Живцы» посередине нового листа и написал следующие слова: «Клико», «Сердарова», «Монахиня», «Халкидон», «Жир», «Конверт». Вынул из кармана игральный кубик, подбросил его левой рукой, поймал правой и раскрыл ладонь. Кубик, попав в углубление посередине ладони, фактически встал на ребро, обнажив числа 1 и 3.

Игнатов вполголоса выругался и сделал заметку внизу начатой страницы в «Книжице»: «Прямой путь. Почему не „Жир“?». Он судорожно вынул телефон.

– Настя, важно. Свяжись с Барабашем по выделенной линии. Скажи, чтобы вечером ехал ко мне, в сопровождении. Чтобы домой не заезжал.

– Юрий, а Вы не хотите к нему, в управление? Я ошибаюсь или дело срочное? Может, время не терять?

– До девяти вечера встреча не имеет смысла.

– Вы что, хотите собирать «Железную Дорогу»?

– Да. И непременно пустить все составы.

– Нельзя, нельзя так рисковать! И двух месяцев не прошло! Кто будет стрелочником?

– Грушевский, полагаю.

– Вы собираетесь вновь довериться отставному стрелочнику? Я против. Если человека из РЖД выгнали за халатность в отношении настоящей, ну то есть, большой дороги, то как он справится с портативной?

– Настя, что за триндеж? Знаешь, мне это напоминает историю из юности. Когда я был первокурсником, мы с приятелем ходили в спортзал. Там были небольшие футбольные ворота, шириной метра полтора. Я от балды, не целясь, пнул мяч – до цели было метров восемь. И не попал. А он говорит мне: «Если ты даже по маленьким воротам мажешь, как же ты в большие попадешь?». Также и ты: «маленькая дорога», «большая дорога».

– Да там пломба февральская, что он с ней делать будет? Не рискуйте Вы зазря, обойдитесь обычной Рулеткой.

– У меня нет двух дней на расшифровку числовых значений, и достойного крупье найти сложнее, чем стрелочника. Ты не всё знаешь о Грушевском. У меня долг перед ним. К тому же «Дорога» наглядна, она дает информацию здесь и сейчас.

– А если ключ к разгадке лежит за пределами города?

– Лучше ложный след, чем никакого. Еду к нему. Звони Барабашу.

Не дожидаясь возражений Драгомарецкой, Игнатов прервал разговор.

Через сорок минут Игнатов вошел в комнату Грушевского. Состояние и хозяина, и жилища были одинаково плачевны.

– Вы всё пьете, Павел Вениаминович... – Игнатов укорительно покачал головой.

– Ты кто такой, сучара, чтобы меня жизни учить, а? Я... я стрелочник с сорокалетним стажем! – Грушевский осекся, в красных глазах показались слезы. – Был стрелочником...

– Вы и сейчас стрелочник. Для меня. Но я пришел не чтобы делать Вам реверансы. Я хочу предложить Вам работу. Опасную. Сегодня. С момента предыдущего запуска трех месяцев не прошло.

Грушевский зло усмехнулся, небрежно улегся на тахту, заправленную несвежим бельем, закурил ловко вынутую из пачки сигарету «Treasurer».

– Чьей сборки «Дорога»? Made in Romania не предлагать, – Грушевский спародировал цыганские ужимки.

– Предложу. Она верой и правдой служит мне седьмой год. Хватит паясничать, Павел Вениаминович. Я всё понимаю, я сочувствую Вам. Но поймите: Антипов в ногах валялся у Кирсанова, чтобы сохранить Вас в штате Балтийского вокзала. Шнайдер предлагал серьезные деньги Гуриновичу. Шатура писал письма ко всем мастерам Вашей гильдии. Кто стоял за всем этим, как думаете?

– Ты, песик легавый, мне в благодетели не набивайся! Ты сначала ссоришь меня с Розенталем, потом светишь просроченную пломбу при Дверницком, а потом... В ноги мне падайте, Павел Вениаминович, жопу мою мусорскую вылизывайте, языком вниз, языком вверх, дышите ровно, втягивайте глубоко, так?

Речь Грушевского прервалась, лицо исказилось гримасой боли.

– Профессиональное... Стопы изнашиваются от хождения по шпалам, по каменной насыпи. Сосуды в ногах портятся, – он кивком головы указал Игнатову на свои ноги.

Юрий сел на тахту, снял с Грушевского носки и принялся аккуратно массировать стопы.

– Тебе, милочка, не понять, что это такое – знать, что твоя трудовая книжка лежит не в отделе кадров, а в собственной тумбочке. Не понять тебе, каково... Тебе восемнадцать, ты на третьем году железнодорожного техникума, на практике. Мастер говорит тебе: «Хороший ты парень, Пашка. Приезжай ко мне вечером, я тебе макет один покажу». Приезжаешь к нему, а там... Карта Ленинграда расстелена, а на ней бесконечные рельсы сооружены, составчики едут. Ты спрашиваешь, мол, откуда столько дорог-то в городе, и почему одних вокзалов три десятка... Не сразу всё тебе показывают. Только к тридцати я начал сам запускать. Помню первый раз – парторг обратился. Времена были перестроечные, уже гадалки появились, секты пошли, церкви открывались – было где искать утешения и помощи. Он сказал, что всё пере-пробовал, но жену найти не может. Ушла и не пришла, органы руками разводят. Я и запустил составы. Минута – три столкновения. Потом два контрольных, три ложных – один вариант и остался, как учили. А что толку – как искать-то? Тогда уже милиция зубы на полку положила, денег едва на бензин хватало, майоры мешком ходили. Некому искать было, хотя место мы выяснили точно – составы столкнулись на пустыре. Потом уже, лет десять назад в городе трассу новую прокладывали, скелетик нашли...

– Какая несправедливость, что Вас – Вас! – убрали, а формалистов типа Кривоконевой или Деменко оставляют до гробовой доски.

Грушевский мягко улыбнулся.

– Да нет, как раз справедливо вполне. Устав, – он развел руками. – Сам клятву давал, сам кровью в общий сосуд капал. Просто натура слабая, хули там, мамка с бабкой воспитывали, мол, страждущих отказом обидеть – всё равно что хлеб у бездомного вырвать. Вот и пошел вкривь и вкось. У кого дорога самопальная, у кого пломба белорусская, кто два дня подряд решает нервы пощекотать. Правила обходил я, в общем, но не борзел. Один человек в авторитете, помню, три дня подряд требовал запуска – сумму отваливал такую, что даже на новый вокзал хватило бы. Я выгнал его к чёртовой мамушке. А он к другому сунулся.

– К Виктюкову?

– Опустим фамилии. Тот взял. Ну а потом... Гильдия обоих взяла, хотя ловила долго. Стрелочника аж из Йемена транспортировала. Связали их, голубчиков. Анна Каренина. Ремейк.

Игнатов понимающе кивнул.

– Так вот, друг мой дорогой, я на рельсы не хочу. И под днище тем более.

– Вы имели ввиду «на днище»?

– Нет. «На днище» – это когда подключают к системе канализации. Штрафники в дерьме захлебываются через сорок минут, – Грушевский замахал руками. – Это пошлость. «Под днище» – это когда с кляпом во рту прибивают к поддону локомотива. И смотрит человечек на рельсы часов семь кряду. Сердце не выдержало или замерз – ну так значит так. А жив – Каренина. Ремейк.

– Вы же прекрасно понимаете, что не за что с Вами так. Что до сегодняшней работы: не невесть что – до разжатия пломбы меньше месяца.

– Я больше не стрелочник. Меня выгнали.

– Извините, формально Вас не выгоняли. Формально у Вас почетная отставка.

– Уважили, да. Но суть не меняется.

– Павел Вениаминович, в этом Ваша проблема. И Ваша особенность. Вы всё время смотрите в корень, смотрите человеческим взглядом, видите вещи такими, какие они есть. Но сами же говорите о формализме Гильдии. Так вот формально Вы ее член. Вы в отставке,

в резерве, но не в позорном изгнании. Даже ксиву у Вас не отобрали. Так что прекратите уже ставить форму ниже содержания.

Возникла пауза.

– Ты будешь один?

– Нет, с нами будет майор Барабаш.

Грушевский закатил глаза.

– Еще один дебил. Себя тебе мало, видимо. Так, теперь по сумме. Четыре тысячи евро. Две тысячи зашлешь Кобзеву через Ушакова, еще две отдашь в вагон-ресторан «Сапсана».

– Сказать, от кого деньги?

– Нет, это не подношение. Это жертва на благое дело. Пассажиры должны употреблять только здоровую пищу. Жди меня к десяти. И носки надень обратно.

Игнатов с воодушевленным облегчением натянул носки на ноги бывшего стрелочника.

– А теперь, – Грушевский вальяжно зевнул, не прикрывая рта, сделал небольшую паузу, – пошел вон.

Игнатов ехал по набережной Правого Берега в северном направлении. Примерно на середине пути он заметил тонированный джип без номеров, в точности повторявший его маневры и двигавшийся на расстоянии примерно в сто метров. Через несколько минут движение уплотнилось, навигатор предупредил о заторе из-за аварии. К первому внедорожнику прибавился еще один, ехавший чуть поодаль. Затор усиливался, идущая впереди Игнатова легковушка остановилась. Игнатов, ехавший в левом ряду, аккуратно забрался на разделительный бордюр, прыгнул на дорожное полотно встречного движения и развернулся. Оба джипа проделали ту же операцию, четко заняв позиции между полос, делая невозможной для Игнатова любую попытку проехать мимо. Юрий прекратил начатый маневр, вновь развернулся и поехал навстречу едущему автотранспорту. Машин было немного, но двигались они с превышением скорости, благо трасса давала такую возможность. Через несколько сот метров он увидел несколько автомобилей, двигавшихся почти параллельно друг другу. Незадолго до вероятного лобового столкновения встречный автомобиль резко сбавил скорость и ушел в среднюю полосу, освобождая Игнатову проезд. По этой же траектории вслед за ним ехал один из преследователей. Другой не успел вырулить на спасительную полосу и на полной скорости столкнулся с одной из не причастных к погоне машин. В боковое зеркало Игнатов увидел грандиозную аварию, в результате которой «хвост» вылетел на соседнее полотно и приземлился на крыши стоявших в пробке. Вскоре Юрий разглядел и причину затора – справа от него горел лежащий на боку КамАЗ, а по всем полосам был густо рассыпан щебень. На ближайшем Т-образном перекрестке Игнатов свернул направо, возвращаясь в свою полосу движения. «Хвост» не отставал. Вскоре он услышал позади несколько характерных хлопков, после чего его Ниссан вильнул чуть влево и далее поехал с усилием. Игнатов понял, что пробито заднее левое колесо, огляделся по сторонам и увидел огороженный железными воротами въезд на прилегающую территорию. Добавляя скорость, он вывернул руль и выломал ворота. Резко остановившись, немного сдал назад, перегораживая путь преследователю. В зад его кроссовера на скорости влетел уже знакомый джип без номеров и по инерции отрикошетил в стойку ворот. Игнатов моментально покинул салон своего автомобиля и разрядил обойму в передние стекла внедорожника. Быстро перезарядив пистолет, сделал еще четыре выстрела. Затем аккуратно приблизился к «хвосту» и открыл водительскую дверь. В машине никого не было. Внезапно он почувствовал холод на шее и услышал до боли знакомый щелчок затвора.

– Приплыли! Пушку бросьте. Без фокусов. Повернитесь. Медленно.

Оппонент сделал три шага назад и повторил требование. Игнатов выронил оружие. Держа руки чуть над головой, Юрий неторопливо повернулся к нему и увидел среднего роста блондина, одетого в камуфляж.

– Без фокусов, понятно?

Игнатов сделал юродивую ужимку.

– Фокусам не научен. Зато знаю пару пантомим.

Нарочито глупо улыбаясь, он начал двигать поднятыми руками, изображая невидимую стену.

– Как мне выбраться отсюда, а? Я замурован! Я замурован! Везде стена! Стена! Тогда откуда дует ветер? Откуда?

Игнатов начал исполнять другую классическую пантомиму, изображая сопротивление мнимому ветру.

– Если бы была веревка! Она бы меня удержала! Иначе меня унесет ураганом! И нет меня! А где веревка? А вот она!

Игнатов изобразил, будто держится за веревку, и стал «тянуть» ее на себя, постепенно сближаясь с оппонентом.

– Зачет, – произнес тот со скепсисом. – Но Вам, Юрий Данилович, не хватает практики. Прекратите двигаться в моем направлении. Вернитесь к сценке №1 – считайте, что перед Вами стена.

Игнатов понимающе кивнул и вновь стал ощупывать невидимое препятствие.

– Вы, знаете ли, troublemaker – человек-проблема. Говоря проще – косяпор. За Вами просто хотели проследить, а Вы... Минимум три труп в двух машинах, порча движимого и недвижимого имущества, возмущение общественного порядка, грубое нарушение правил дорожного движения... Вас никто, решительно никто не собирался трогать пальцем. А теперь – после такого автошоу – один из нас должен уйти. Да, Игнатов... Кличку «фартовый» Вы действительно заслужили.

Игнатов прекратил бить ладонями перед собой и начал осматривать невидимые стены слева и справа.

– Есть у меня одна слабость, Юрий Данилович. Трудно мне убивать безоружных, даже если они до этого пытались изрешетить меня. Я юрист по образованию, понимаете. Женевская конвенция. Вы уже вроде как военнопленный. Хотя сейчас вроде как и не война... – блондин явно сомневался в принятии решения. – Что делать-то будем? Да, кстати, из невидимых стен Вы всё равно не выберетесь, потому опустите руки и держите их по швам.

Игнатов выполнил указание блондина и, спустя несколько секунд, начал изображать лунную походку.

Человек в камуфляже устало взглянул на Юрия.

– Мужик... Чо с тобой не так, а? Прострелю-ка я тебе колено.

Игнатов прекратил танцевать и сделал руками нечто среднее между примирительным жестом и ощупыванием стены перед собой.

– Знаете что... – неожиданно начал Игнатов, – Вы человек с благородным сердцем, иначе я бы уже был мертв. Для того, чтобы избавить Вас от тяжелого выбора: стрелять в безоружного или отпустить преследуемого – я предлагаю Вам лучшее средство. Дуэль.

Блондин заинтересованно взглянул на Игнатова.

– Нужны секунданты, – сказал он. – Иначе неблагородно, не находите? Да и кто должен стрелять первым? Нельзя доверяться жребию – ведь зная и себя, и Вас, я уверен, что первый выстрел всё и решит.

– Никаких выстрелов, – патетично возразил Юрий. – Мы, дорогой мой супостат, не дворяне. Мы рыцари. Потому нам нужны шпаги. Да, шпаги! Или мечи!

Человек в камуфляже вновь посмотрел на Игнатова с видом явной усталости.

– Ага. А еще нужны доспехи, рапиры и два коня. Какие, на хер, мечи? Может, еще два копыа закажем?

– А как насчет... ножей? У меня имеется.

Оппонент воодушевился.

– Охотно. У меня тоже – в машине. Но перед поединком нужно обсудить регламент.

– Разумеется. Это дуэль, а не толковище. Слушаю Вас.

– Так... Во-первых, один из нас неминуемо должен умереть. Пошады быть не должно.

Согласны?

Игнатов кивнул.

– Во-вторых, тело проигравшего победитель обязан предать земле. Самолично. Никаких сбросов в реку. Никакой кремации. В землю. Собственноручно.

Игнатов вновь кивнул.

– И последнее. Как бы ни складывался бой – ничего кроме ножей использовать нельзя: ни огнестрельного, ни валяющихся камней, ни арматуры. Только разве что зубы.

– Вы читаете мои мысли, дорогой оппонент.

– Есть возражения или дополнения?

– Скорее уж в Конституции нужно что-то поменять, чем в Вашем предложении. Я не отступлю от условленного ни на йоту. Клянусь честью. – Игнатов прижал руку в сердце. – Но сначала позвольте, мой неизвестный противник, выказать Вам мое глубочайшее почтение и принять мои искренние заверения, что Ваше поведение стало для меня поистине лучшим подарком, которым один честный человек может одарить другого. И что даже если этот час станет для меня последним, я никогда бы не променял его на сотню лет жизни в неведении о Вас, мой таинственный визави. Милосердных людей много. Мужественных еще больше. Но когда мужество и милосердие образуют в человеческой душе неделимый симбиоз – ценность жизни неумолимо меркнет, а смерть становится не трагедией человека, а триумфом человеческого.

Блондин чуть наклонил голову в знак признательности, небрежно бросил пистолет на землю и пошел за ножом к своей машине.

Игнатов подобрал пистолет, прицелился и сделал два выстрела. Мозговая жидкость и осколки черепа человека в камуфляже обильно испачкали тонированное боковое стекло внедорожника. В это время несколько полицейских автомобилей пролетели по улице. Звуки выстрелов потонули в вое сирен. Игнатов обыскал труп и чужую машину, взял образец для снятия отпечатка, положил изъятое в бардачок своего авто. Затем достал домкрат и быстро заменил пробитое колесо, после чего выехал на дорогу и припарковал свой Ниссан немного поодаль.

Вернувшись, он положил труп в салон джипа, облил его содержимым обнаруженной в багажнике канистры и запалил от зажигалки, найденной в кармане человека в камуфляже.

Спустя час Игнатов отдал поврежденный внедорожник в нелегальный автосервис братьев Селиванцевых-Мохначевых. К этому времени туда же подъехал помощник Юрия Тимур Шарафутдинов по прозвищу Баритон, пригнавший руководителю другой автомобиль.

– Давай я тебе такси вызову? Я сейчас к Насте еду, потом на запуск «Дороги». Тебе со мной не по пути, – безапелляционно заявил Игнатов.

Баритон кивнул.

– Тебя домой или к Киприяну?

Баритон показал два пальца, что означало положительный ответ на второй вариант. Игнатов вызвал такси.

– Значит так, сладкоголосый мой. Завтра придется поработать головой, а не языком болтать. «Homo ludens» читал?

Баритон помотал головой.

– Так вот. Барабаш расследует убийство мужичка, у которого при себе были найдены вырванные страницы из этого самого гомолюденса. С тебя контент-анализ. Лучше в письменном виде, – Игнатов зло усмехнулся.

Шарафутдинов одной рукой изобразил головной убор, якобы покрывавший его голову, а другой отдал воинское приветствие.

– Номера страниц узнаю вечером, когда Алексей привезет дело. Свободен.

Баритон еще раз повторил предыдущий жест. Игнатов сел в автомобиль, настроил радио на новостную волну и выехал с территории сервиса.

«Сегодня в городе произошло сразу несколько трагических происшествий. Ночью на Дунайском проспекте было найдено тело частного предпринимателя Анатолия Денисевича с огнестрельными ранениями. Полиция пока умалчивает о возможных версиях произошедшего. Около трех часов по полудню на Свердловской набережной произошла серьезная авария с участием четырех автомобилей. Судя по всему, водитель внедорожника Jeep Wrangler не справился с управлением, столкнулся с Citroen C4 и вылетел на встречное направление движения. Подробности происшествия в данный момент уточняются, известно лишь о как минимум четырех погибших. Еще один Jeep Wrangler сгорел на территории склада на улице Ватутина. По предварительной информации, причиной возгорания стал неисправный электрокабель, обеспечивавший освещение склада. Как заявили в управлении ГИБДД по Выборгскому району, пострадавших в результате возгорания нет».

Игнатов присвистнул.

«И только что к нам поступила срочная информация о другом инциденте на дорогах города. Около получаса назад в опору Володарского моста въехал служебный автомобиль, находившийся в пользовании майора Следственного комитета Алексея Алексеевича Барабаша. По предварительной версии представитель юстиции мог заснуть за рулем. Мы будем следить за развитием событий».

Игнатов кое-как припарковал машину и выскочил на проезжую часть. Он беспорядочно размахивал конечностями, затем упал на асфальт и принялся отчаянно молотить по нему ладонями, истукпенно крича. Шедшая по тротуару молодая женщина с коляской осторожно приблизилась к нему и спросила, не нужна ли ему помощь. Игнатов, не прекращая кричать, распрямился и ударил женщину по лицу. Она вскрикнула и опрокинулась навзничь, но моментально поднялась и, схватившись за коляску, побежала прочь. Игнатов попытался ударить ее ногой, но лишь рассек воздух в полуметре позади и по инерции упал на бок. Через несколько минут рыданий Юрий встал и беспомощно заковылял к машине. На телефоне он увидел шесть пропущенных звонков от Драгомарецкой, сделал callback.

– Бедный Алексей, – навзрыд кричала Настя, – нельзя работать так много, нельзя!

– Дело, кто теперь достанет мне дело?! – еле сдерживал истерику Игнатов. – Мне что теперь его – у Иотаутиса просить?! Кто его убил, кто? Зачем? Зачем?!

– Работа его убила...

Настя ждала, когда ее руководитель возьмет себя в руки.

– Я буду у тебя через час. Оденсья в балахон.

– В балахон? – удивленно спросила Драгомарецкая. – В желтый?

– Нет, сука, в красный! – ехидно-зло выпалил он. – Выполняй!

Игнатов и Драгомарецкая сидели в желтых балахонах на цокольном этаже ее частного дома в поселке Ольгино. Настя была крашеной блондинкой среднего роста со стройной, но не очень изящной фигурой. Казавшиеся небольшими глаза украшали очки, нижняя челюсть немного выдавалась вперед. Белесая кожа, узкий нос и полное отсутствие косметики создавали образ типичной «девочки-отличницы».

Помещение по периметру было заставлено большим количеством антикварной мебели, дореволюционными вазами и канделябрами. На стенах висели портреты династии купцов Драгомарецких, прекратившей свою официальную историю после падения Российской Империи. Посредине на ширванском ковре работы начала двадцатого века стояли два дубовых бельгийских кресла с обивкой из зеленого велюра. Сидящие на них Юрий и Настя держали в руках испанские оловянные бокалы с итальянским вином урожая 2012-го года.

– Вот, Настя, такой был сегодня денек.

– Да уж, весело, ничего не скажешь. У меня сейчас появилось, конечно, свое представление о том, как нужно действовать, но хочу сначала выслушать вас.

– Во-первых, новое не должно отменять старое, то бишь начатое. Нельзя сейчас бросить все силы на Денисевича только ради того, чтобы почтить память Алексея. Пусть получается, что просьба Барабаша, скажем так, «помочь» в расследовании явилась, по сути, последней – из-за нее не должны страдать ни Вировлянский, ни операция с Иоффе, ни контроль над Скобелыным, ни, тем более, «Синекура».

– Но кого-то всё равно придется отправить в резерв. Хотя бы временно. Кого? Урусбиева? Или Фогеля? А более всего меня тревожит, что мы уже третью неделю тянем с фототекой по домушникам-левшам.

– Мне кажется, дело гиблое, – возразил Игнатов. – Мы просто-напросто убили девяносто человеко-часов и потратили сто шестьдесят тысяч рублей на выявление того, что и так лежит на поверхности: что диссертация Остапчука – пыль в глаза пермским доцентам.

Настя хотела что-то возразить, но Игнатов заранее остановил ее небрежным жестом.

– Фогель вообще параноик. «Ревнивец хуже убийца», говорил Шашуков. Жена у Фогеля – чиста как святая угодница. ее отношения с Заозерским – сугубо платонические. Гараев вообще заднеприводный. Чего муж к ней прицепился... Урусбиевым нужно продолжать заниматься, иначе потеряем канал по натрию. Тут без вариантов.

– Что будем делать с Иоффе? Кого подключить? Баритона Вашего?

– Что значит «Вашего»? Не отделяй себя от коллектива. Иоффе нужно вызывать на диалог. Тут немой не нужен. Пожалуй... Давай опять Кисенкова. До конца следующей недели, не позже. Только подготовь его по-человечьи. Попытаемся сделать непопытаемое. Пусть Иоффе заедет в автосервис, а Кисенков расскажет байку про его дочку.

Настя кивнула.

– Вернемся к Денисевичу, – продолжил Юрий. – Дело теперь мы на руки не получим. Кто убрал Лешу – очевидно. Как бы то ни было, я ее не осуждаю. Я вообще не понимаю, как она с ним семнадцать лет прожила.

– А дочь? Как она будет жить без отца? И с матерью в мордовских лесах?

– Да уж. Не забывай, что он был ей не только отцом, но и первым мужчиной.

– Двойной удар.

– Если не тройной.

– В принципе, можно было бы послать вдовушку Денисевича на все четыре, если бы не... Иотаутис сделает всё, чтобы дело отдали его человеку. И легко добьется этого. Да он бы и сам взялся – он же из следаков – но теперь ему как прокурору приходится действовать через Следственный комитет. Думаю, раскроет дело – не мытьем, так еще более тщательным мытьем. Никакой Жураев его не остановит. А значит – мы никогда не узнаем, что означает наши любимые инициалы «М.М.В.». Так что в запасе всё-таки оставляй Скобелына. На Васю Молдаванина мы управу и без него найдем. В крайнем случае – устроим ему рамсы с царскосельскими.

– Они могут не повестись.

– Тогда я скормлю им Грушевского.

Настя покачала головой.

– Опасно, Юрий. Что скажет Гильдия?

– Спасибо скажет.

Игнатов взял бутылку, освежил бокалы.

– Что у нас остается без Барабаша? Кредитка Вахрушева – ложный путь. Вырванные страницы, – Юрий тяжело вздохнул, – Барабаш не успел мне сказать их номера. Надо предыдущими обладателями подобных носовичков заняться, связи между тремя жертвами поискать. Но и их дела теперь уже под сукном, а в архиве у нас людей нет – Леднёв уволился и занялся разведением пекинесов. Зато Баритон освобождается от чтения фрагментов текста. Хотя как он, мычащий, пригодиться-то может... И Грушевский теперь не нужен.

– Вы отменили его визит? Позвонили?

– Да хрен с ним. Пускай потопчется на стертых ступнях да поцелует дверь. Свинья.

– За отсутствием доступа к делу у нас остается только доступ к телу. Не забывайте про контейнер для анализов.

– Настя, мы отвалим сто тысяч за тайно переснятые листы патологоанатомического заключения и с радостью узнаем, что у Денисевича был хламидиоз! Дальше что?

– Значит нужно конкретно заниматься самой заказчицей. Надо выяснить, кто эта Инесса такая.

– Не уверен, что нужен внешний контроль. Достаточно просматривать ее почту и биллинги.

– Я не согласна. Да и пора уже проверить Ефанину в деле. Она землю грызть будет за спасибо.

– Настя, ей всего семнадцать. То, что она с топором обращается, как хирург со скальпелем – еще не показатель.

– А то, что она избавила мир от банды Сани Моцарта, которые ее три года днем с огнем сыскать не могли – не показатель?

Игнатов назидательно направил на Настю указательный палец.

– Ответственность будет на тебе. Провала не потерплю. И если она вены себе опять... Тоже с тебя спрошу.

Драгомарецкая благодарно кивнула.

– Теперь о главном, Настя. Надо выяснить, что это за клоун собирался драться на ножах.

– Ну, знаете, кто еще клоуном был в этом эпизоде – большой вопрос, – Настя изобразила невидимую стенку перед собой.

Игнатов засмеялся.

– Документов у него с собой вообще никаких не было. У нас от него остался только отпечаток.

– Отдайте мне его.

Игнатов вынул из кармана грубо отрезанный указательный палец человека в камуфляже.

– Странно, что в новостях не сказали о трупе в сторевавшей машине. Вывод, казалось бы, очевиден – это люди служивые. Может, от того же Иотаутиса. Но! Судя по поведению, это не конторские. И вообще не из органов. Скорее всего, верные псы Цигенбаума. Хорошо, если так.

– Хорошо. Хотя в какой-то момент ему может надоест сотрудников терять. Счет уже на второй десяток пошел. – Настя усмехнулась. – А если это Эрнест Карлович решил пойти в атаку? Натравил на Вас курдов.

– Курды блондинами не бывают. И по-русски разговаривают весьма посредственно. Но, возможно, с Эрнестом... пора уже.

Лицо Насти выразило искреннее изумление.

– Неужели Вы посмеете?! Не верю! «Эрнест Карлович мне как родной», «Эрнесту я обязан более, чем Щетинникову», «Эрнест Карлович – мой ангел-хранитель» и всё такое... Я Вам

третий год щебечу! Неужели Вы прозреваете? Прошу Вас, прошу, не нужно мне новой хим-посуды – загасите Вы эту гадину!

Игнатов привычным жестом остановил помощницу, назидательно направил на нее указательный палец.

– Молодость – протуберанец на солнце жизни. Лихо вырываясь наружу от переизбытка энергии и света, она стремится выжигать всё, что попадает на ее пути. Молодые, мы горим, испепеляем. Но – что? Но – кого? Как и вспышки на солнце, мы выжигаем только космическую пустоту, разогретую нами самими. Что мы видим, когда оглядываемся назад – в пору нашей юности? Пепел? Даже его мы не видим – ибо сжигать было нечего. Пустота не горит. Так куда же делась серия ярких вспышек, на кого обратилась, что превратила в небытие? В прошлом мы не найдем никакой жертвы. Мы найдем ее в настоящем – когда подойдем к зеркалу и скажем: «Вот она – подлинная жертва молодости! Вот она – зрелость, испепеленная юностью. Вот она – зола молодых лет! Нет больше огня – есть лишь потухшие угли зрелой души, верные и истинные свидетели давно погасшего пламени. Живые надгробия собственного расцвета!»

Драгомарецкая внимательно-недоверчиво всматривалась в шефа.

– Это что, пардон? Потерянная рукопись Ницше?

– Это вольный и примитивизированный пересказ тоста Эрнеста Карловича на мое тридцатипятилетие. Впрочем, о тебе он говорил не столь метафорично. Ваша заочная неприязнь меня даже забавляет.

Настя вскочила с кресла, вперила в Игнатова залитые гневом глаза.

– Вы?! Вы рассказывали ему обо мне?! Да как Вы смели?! По какому праву?! Мало мне того, что мне этот скот, этот перверт Лепихин названивает, так еще и этот, чёрт его знает, философ этот про меня смеет рот раскрывать?! Да как?!

– Настя, послушай. Мне трудно ему простить те два года, что моя мать, моя родная мать по его прихоти провела в верхнеуральской женской колонии. Но... Я не могу тебе всё рассказать. Поверь мне на слово – я могу признаться наедине с ним в том, в чем не могу признаться наедине с собой. Его мудрость – лишь запах, испускаемый цветком. Запах идет от него, но более ему не принадлежит, потому что ему он не нужен. Также и Эрнест Карлович – он избавляется от лишних мыслей, потому что они лишние, а не потому, что они личные, понимаешь?

– Вы сами начинаете говорить, как он! Господи, да с таким отношением Вы никогда не посмеете его тронуть!

– До августа он может понадобится. Дальше – по обстоятельствам.

– Вспомните судьбу своей матери! Он сломал ей жизнь!

– Он – моей матери. Я – его дочери. Кто старое помянет... – Игнатов устало махнул рукой, осушил бокал, долил себе остатки.

– Ладно, заболтались мы. Постели мне здесь. Домой я не поеду. Набери Ефанину, пусть сейчас же выезжает к Денисевич, выберет место, настроит волну, расставит тушканов. Если справится – лично нанесу ей продольный шрам. Рулетку она уже запускала?

– Только немаркированную.

– Тогда присвой ей экспонентный статус. И запусти с ней нормальную рулетку не позднее пятницы – а то твой желтый балахон превратится в пурпурный кардиган.

Настя кивнула и ушла на первый этаж за постельным бельем.

– И принеси мне вчерашнюю закупорку, – крикнул Юрий ей вслед.

Честь

– Юрий, просыпайтесь, быстро! Накаркали! Царскосельские сами вышли на Скобель-цына! – кричала Драгомарецкая, уже одетая в спортивный костюм.

Игнатов вскочил с постели, начал судорожно одеваться.

– На квартире побоище. Брата убили первым, видимо. Камалову, его новенькую, над плитой поджарили. Даже кота – и того в стиралку запихали. Крутится в ней до сих пор. Едем на квартиру!

– На какую квартиру? Думай головой! Чего ты там забыла?

– А куда, куда тогда?

– В Волховстрой! К царскосельским. Положим там всю компанию. Звони Мякинену, пусть подтянет Поповича. Организуй как тогда – с Грибаниным.

– Транспорт?

– Инкассатор. В фургон пусть положат матрас – я не сплю уже четвертую ночь.

– Мне ехать?

Игнатов неодобрительно посмотрел на помощницу.

Через два часа бронированный Фольксваген Т-5 выехал по Мурманскому шоссе за пределы Петербурга. Белик вел машину, рядом с ним сидел Мякинен. Внутри, в фургоне рядом с пустым сейфом сидели Драгомарецкая, Попович, Воскресенский. Все мужчины были вооружены автоматами Калашникова. На полу спал Игнатов. На дорогу лениво сыпался снег.

Еще через полтора часа инкассаторский фургон, немного не доехав до города Волхова, свернул на поселок Кикино и притормозил на обочине. Разбуженный Игнатов закрыл Настю в сейфе, надел бронежилет. Автомобиль продолжил движение по нерасчищенной трассе и вскоре подъехал к каменному двухэтажному дому с невысоким редким забором, во дворе которого высокий худощавый мужчина неспешно колол дрова. Фольксваген протаранил забор. Из фургона на ходу на снег выскочили Игнатов и Мякинен, дали одновременные короткие очереди по человеку с топором, после чего первый вторженец побежал в сторону небольшой пристройки с вырытым рядом пустым бассейном, а второй – выстрелил по окну первого этажа светозумовой гранатой. Яркая вспышка света и сильный грохот потрясли дом изнутри. Фольксваген подъехал вплотную к крыльцу, блокируя дверь. Из него выбежали Белик, Попович и Воскресенский. Белик встал с тыльной по отношению к дому стороны фургона, двое других выстрелили тросами в крышу здания, уперлись ногами в стену и быстро подтянулись на уровень окон второго этажа. Все окна были защищены толстыми решетками. Из дома начались выстрелы по окнам, сквозь шум которых были отчетливо слышны многочисленные разноголосые выкрики. Попович бросил дымовую гранату в окно второго этажа. Со стороны бани выбежали трое едва одетых мужчин, начавших беспорядочную пальбу по фургону. Незаметно сидевший внутри пустого бассейна Игнатов облил их очередь. Двое упали замертво, третий, раненый в ногу, упал на мокрую землю и начал стрелять по Игнатову. Пули отбили несколько плиток облицовки бассейна. После того как пистолет раненого перестал стрелять, Игнатов высунулся из укрытия и произвел одиночный выстрел. Раненый схватился за шею, из-под пальцев обильно проступила темно-красная жижa. Затем Игнатов перебежал на противоположную входу сторону дома, встал за припаркованный автомобиль постояльцев дома. Увидев силуэт в окне первого этажа, нажал на спусковой крючок. Силуэт сложился и исчез в проеме.

Забравшиеся на крышу Попович и Воскресенский забросили еще одну дымовую гранату в дымоход, высадили небольшое окно на крыше чердака, надели респираторы и тепловизоры, затем по очереди прыгнули вниз. Из окон внизу по фургону велся огонь. Мякинен сделал залп из подствольного гранатомета точно в окно. От разрыва стена вокруг огневой точки осела, решетка покосилась, на ней повис изуродованный труп стрелка. Мякинен произвел вто-

рой залп, разрыв которого обнажил внутренности дома. Белик метнул новую дымовую шашку, после чего они с Мякиненем последовали примеру товарищей, орудовавших на втором этаже, – надели респираторы и приборы ночного видения, а затем проникли в образовавшийся проем.

В гостиной было пусто. Мякинен и Белик выломали дверь в туалетную комнату. На полу лежал упитанный человек лет пятидесяти с кровоточащими ранами в районе живота и колена. Уцелевшая нога дергалась в конвульсиях. Белик неуловимым движением сделал контрольный выстрел. Оба проследовали на кухню. Невысокая женщина с короткой стрижкой распласталась на полу с пистолетом в руках. ее затылок был разнесен Игнатовской пулей. Рядом в петле висел двухметровый грузный мужчина. Глаза были навывкате, большой мясистый язык торчал из перекошенного рта. От повесившегося пахло экскрементами. Войдя в спальню, Мякинен и Белик обнаружили двух мужчин со сложенными за головой руками. Оба капитулировавших сидели на полу, опустив головы и всхлипывая почти в унисон. «Где?!» – рявкнул Мякинен и дал очередь поверх голов. Сидящие инстинктивно пригнулись, кивнули головой на дверь. «Словами, суки, быстро! Где?!» – заорал Белик и выстрелил сидящему правее в локоть, торчавший параллельно голове. Пуля попала в сочленение локтевого сустава, отчего предплечье повисло на одних сухожилиях. Нечеловеческий ор заполнил собой помещение. Подождав пару секунд, Белик вогнал раненому пулю между выпученных от боли глаз. Мякинен в третий раз повторил вопрос.

– В подвале, – с трудом выговорил второй. – Под лестницей. Есть подпол. Он... Замок... Код... «270786»

– Открыли бы как-нибудь, – пренебрежительно-раздраженно бросил Белик. – Он там один?

– Да... да... ему вкололи...

Мякинен и Белик кивнули друг другу. Со второго этажа неторопливо спускались Попович и Воскресенский, держа в руках большие наплечные сумки.

– Есть чего в доме? – спросил Мякинен.

– Добра на десятерых, – расслаблено ответил Попович. – Юра, два нуля, – скомандовал он по рации.

Зашедший в дом Игнатов переспросил у сидящего код, затем оглушил его прикладом, вынул армейский нож, полоснул по горлу. Пошел к подполу, набрал цифры. Крышка-дверь стала автоматически отодвигаться. Игнатов и Воскресенский спустились вниз. В сыром темном погребе горел одинокий фонарь на толстом проводе, замотанном вокруг крюка. На полу работал масляный обогреватель, стоявший впритык с кроватью. На ней под плотным одеялом мертвым сном спал толстый мужчина, закутанный в застиранный банный халат. Воскресенский пощупал пульс:

– Жив, слоняра, пульс херачит как у колибри.

Игнатов позвал остальных.

– Тащите Скобелыцына в фургон. Настю выньте.

– Юрий Данилович, может, сначала дом оглядим, погрузимся? – сказал Попович с искусственной обидой в голосе.

– Полчаса, не больше. Главное сокровище всё равно перед нами. Завтра мы все можем выходить на пенсию.

– Чего там во дворе-то? Банька, да? – спросил Попович Игнатова. Тот не отреагировал. – Люблю я баньку! Но не только как пользователь, так сказать, а еще и как чистый созерцатель. И где ни бываю, всегда смотрю, кто как свою баню обустроил! Тут сразу характер человеческий виден, почерк души, так сказать...

– Залей ебало! – рявкнул Мякинен. – Хочешь – иди, шмонай баню. Нам будет кэш и журило, тебе – веник да кадки!

Остальные тихо усмехнулись. Попович, беспечно насвистывая, вышел из дома.

– Попрошу внимания, господа! – Игнатов обратился к оставшимся. – Поздравляю вас с блестяще выполненной гуманитарной миссией. Мы рискнули жизнями ради того, чтобы освободить честного, а потому незащищенного человека из лап негодяев. Скобелыцын не раз и не два вызволял из ненасытного чрева отечественного кривосудия наших товарищей. И как хороший частный детектив может справиться с тем, что не под силу правоохранителям, так и люди вроде Скобелыцына способны умаслить любого судью или прокурора быстрее и надежнее самого дотошного адвоката. Сегодня мы поступили как граждане и, не побоюсь этого слова, как патриоты, верные...

Рация Мякинена внезапно зашуршала, послышался голос Поповича.

– Тут... тетка какая-то. Странная. Сидит, курит...

Игнатов с остальными проворно вышли из дома и проследовали в баню.

Внутри располагалось несколько разложенных раскладушек, вдоль одной из стен простирался длинный деревянный стол. За ним на скамье со стороны стены сидела женщина средних лет в старомодном зеленом платье до колен. Под платьем явно не было белья, на ногах виднелись чулки телесного цвета.

Игнатов присвистнул:

– Глазам не верю, и тут ты! Друзья, – в его голосе зазвучали официально-торжественные интонации, – разрешите отрекомендовать: Амвросимова Лидия Валерьевна, 1975-го года рождения, служитель дворцово-паркового ансамбля «Ораниенбаум», архивный работник с многолетним стажем, кандидат культурологических наук, доцент кафедры музееведения Санкт-Петербургского государственного института Культуры. Лидия Валерьевна, бережный хранитель нашего бесценного и бессмертного духовно-материального наследия, не имеет, разумеется, никакого отношения к похищению человека с целью вымогательства и дальнейшего убийства, не правда ли?!

Амвросимова отрешенно смотрела в стену и молчала, периодически затягиваясь сигаретой.

– Конечно же, нет! – звонко голосил Игнатов. – Причиной ее нахождения здесь послужила достохвальная тяга к людям, пышущим брутальностью и витальностью. Особенно, если людям от четырнадцати до двадцати пяти. Лидия Валерьевна всегда была первой добровольцев, если нужно было провести экскурсию для оступившихся подростков. Или прочитать лекцию в военной части. Или принять зачет у не слишком талантливого студента в нерабочее время. Доходило до того, что наша собеседница, вступив в преступный сговор с врачом детской поликлиники, под видом процедурной сестры присутствовала на поточном урологическом осмотре учащихся девятых классов двух общеобразовательных школ... Эх, друзья, можно еще много чего поведать – но лучше, согласитесь, один раз... – Игнатов с ухмылкой поглядел на остальных. – Я бы непременно спросил у Лидии Валерьевны ее соизволения, но, признаюсь, самолично знаю, что это совершенно излишне. Только учтите, господа, что средствами интимной самообороны доцент Амвросимова принципиально пренебрегает, потому подумайте, стоит ли погружаться, что называется, в чашку Петри. Только бронежилеты снимать поочередно и соблюдать регламент. Максимум через сорок минут мы должны выехать.

– А ну-ка, подруга, покажись, – строго сказал Мякинени.

Женщина встала со скамьи, медленно приподняла платье. На невыбритом лобке виднелись следы эякуляций.

– Ну что, бойцы? Засупоним мамашке? – утвердительно спросил он.

Все вышли из бани, кроме Мякинени...

Игнатов зашел к Амвросимовой последним. Она лежала на раскладушке животом вниз, правая рука методично массировала промежность.

– Лида, перевернись.

Она томно заворочалась, аккуратно повернулась на спину, задрала платье до шеи, вопросительно взглянула на Юрия.

– По-обычному, Лида, по-обычному!

Игнатов снял бронежилет, до колен спустил армейские брюки и нижнее белье, встал поперек раскладушки на уровне ее груди, уперся коленями в корпус лежа, положил руки себе на бедра, ссутулil спину, закрыл глаза, задержал дыхание.

– Тебя, Юрасик, мне Бог посылает, не иначе, – зашептала Лидия.

Игнатов опустил голову, уставился на свой член, немного подрагивавший от напряжения.

– Можно мне хоть на этот раз потрогать, я аккуратно! Прошу тебя, прошу, – взволнованно шептала она.

– Тихо, тихо! – раздраженно ответил Игнатов сквозь зубы.

Спустя минуту Игнатов засопел, с силой вжал руки в бедра, зажмурился. Его повисший в воздухе член дважды качнулся и извергся несколькими мутными струями. В глазах Юрия стояли слезы. После того, как последняя повисшая капля опала Лидии на левую грудь, Игнатов поднял голову и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Без греха, без греха! – бормотал он, быстро крестясь.

Лидия отерла семя подолом платья и приподнялась на локтях.

Облаченные в пурпурные хитоны Скобелыцын, Игнатов, Мякинен, Белик, Попович, Воскресенский, Драгомарецкая и Амвросимова сидели в просторном помещении, декорированном в древнегреческом стиле: с высокими потолками с меандровыми узорами, подпираемыми белыми колоннами с лепниной; с мозаичным полом; с настенными орнаментальными светильниками и большой люстрой на массивных позолоченных цепях; с многочисленными вазами, амфорами и гипсовыми скульптурами античных героев. На столе в большом количестве были разложены классические средиземноморские блюда и продукты: ячменные лепешки, запеченные баклажаны, креветки в красном соусе, зажаренные кальмары, овечий и козий сыр, перепелиные яйца вкрутую, финики и гранаты. Из напитков на столе стояли родниковая вода и красное вино с медом в амфорах и кожаных бурдюках.

Подвыпивший Скобелыцын солировал, пока его гости бодро уплетали содержимое праздничного стола:

– Когда немецкие романтики и французские материалисты взяли на щит свое знаменитое «назад – к природе», они сами не понимали, какую глубиннейшую национальную идею вытаскивают на свет! Французы и немцы, потомки северных варваров, отнюдь не случайно столь рьяно радели за природное, за возврат к корням, за своеобразное почвенничество в западноевропейском изводе. Достаточно посмотреть на гастрономию германских варваров, чтобы осознать эту связь. Рацион белокурых бестий базировался на мясе, то есть на том, что дано природой. Зарезал хрюшку – и на вертел. Греческая кулинария, напротив, всегда превозносила то, что дано человеческим, именно человеческим усилием, прогрессом цивилизации, так сказать. Наибольшей ценностью обладали злаки, масла, молочные продукты – то, что культивировано, то есть буквально окультурено, что изъято из природы, что произведено человеческим разумом. Романтики же хотели отринуть человеческое и слиться с первозданностью, то есть провозглашали варварские ценности. И, напротив, первыми глашатаями разума и апологетами Античности в период Средневековья были как раз южные европейцы – Лоренцо Валла, Пико де Мирандола, Леонардо да Винчи и прочие. Тем самым они выражали свою – южноевропейскую национальную идею – идею культуры, прогресса и покорения природы.

– А мы? Мы кто? – рассеянно-неуверенно вставил Воскресенский.

– А мы, русские, как всегда – на перекрестье. Но не Азии и Европы, разумеется, а Европы и Европы. Южной и Северной. Мы побратимы французам в этом смысле. Те тоже северные варвары по происхождению и южные цивилизаторы по историческому генезису. Взять хотя бы

культ разума во время Французской Буржуазной Революции – это ведь тоже компромисс! Между идеей разума как Бога греко-латинской философии и руссоистским, то есть нововарварским мировоззрением товарища Робеспьера. Он был и за возврат к природе, и за разум. Так и мы – между Веной и Константинополем, так сказать.

Воскресенский неуверенно кивнул. Скобельцын продолжил:

– Трудно пренебрегать природным и чураться грубой пищи, когда у тебя девять месяцев зимы. Русским людям, господа, издревле было не до оливковых рощ и сыра с плесенью. Надо было выжить – какая ж тут культура? Но невозможность оторваться от природы не означает нежелание от нее оторваться. И вот как только мы дорвались до Просвещения, весь мир замер в изумлении: еще вчера наши люди медведей хуячили врукопашную, а теперь уже одели балтийские болота в гранит, на гранит водрузили мрамор и идут на Париж. А на Кубани льют прекрасное шампанское и делают волшебный сыр – пока эти самые французики сдают Бисмарку Эльзас. Вот и культ разума! Только вот всю Русь мрамором не отделаете и виноградом не засадишь, потому без природного никак... Но стремиться к этому стоит, не правда ли!

Скобельцын радостно осушил свой кубок.

– Ну что, спасители мои, вот вы и попали на пир, на симпозион – прямо как участники античных диалогов. Да, мы – древнегреческие философы, не иначе! Каждый из вас сегодня – мудрец, инкарнация древнего мыслителя! Я, например, Сократ. А что – лицом не Аполлон, не написал ни строчки, смущаю молодежь, – он указал рукой в сторону Поповича и Драгома-рецкой, – вредными речами. Чем не Сократ?

Скобельцын заливисто рассмеялся, добавил в вино добрую порцию воды и внимательно оглядел Воскресенского.

– Вы, молодой человек, явно Платон, мой благодарный ученик. Вы, как и он, высоки ростом, пытливы умом, что следует из Вашего великолепного вопроса, а также тверды в убеждениях. Вы любите Гомера?

– Я... не... не слишком, – испуганно-смущенно ответил Воскресенский. – Но понимаю, как бы...

– Его величие? Да?

Окончательно сбитый с толку собеседник вновь кивнул.

– Всё сходится! Платон тоже Гомера не любил, считал вредным для общественного блага, для моральных чувств подрастающего поколения. Но при этом уважал безмерно. Цитировал, где надо и не надо. Знаете ли, для Платона Гомер был чем-то вроде наваждения. Чем-то вроде навязчивого, прилипчивого кумира, которого он пытался преодолеть, презреть, изригнуть из себя – а тот как будто его не отпускал. Известная история, друзья мои. Великие личности, которые повлияли на наше развитие, постепенно становятся нашими врагами. Да-да, мы поначалу влюбляемся в них, согласуем с ними наши мысли, пытаемся им буквально угождать – а потом наступает охлаждение. Но это не охлаждение! Это, напротив, распаление. Мы не можем простить бывшим кумирам наших заблуждений, и начинаем мстить. И им, и себе. Именно этим страшны неофиты, новобранцы религиозных и политических течений. Они стремятся не только отречься от себя прежних, но и максимально навредить воззрениям, от которых отказались. Страшен христианин, разочаровавшийся в Христе. Он непременно начинает требовать истребления христианства самым вероломным путем. А выкресты, бывшие иудеи? Не они ли суть подлинная причина самого лютого антисемитизма? Или те же христиане, которые одновременно и продолжатели иудаизма, и настоящие иудеи – по их же собственному мнению, и одновременно антииудаисты...

Воскресенский, у которого густо выступил на щеках румянец, подобострастно кивал, не отрывая взгляда от Скобельцына. Остальные на речь не реагировали.

– Возвращаюсь к Платону и Гомеру... Платон, опять же, и цитировал слепца, и предлагал запретить его сочинения, и при всём этом называл его величайшим поэтом.

– А запретить я его хотел... зачем? – спросил Воскресенский.

– Примат этики над эстетикой, мой друг. Величайшая чума человечества – стремление положить художника на Прокрустово ложе нравственности. Вас, дорогой Платон, возмущали портреты Богов и героев в гомеровском изводе. Боги должны выражать идею абсолютного Блага, а не смущать сердца людей своими неблагочестивыми поступками. Но самое неприятное лично для меня, что именно мне, Сократу, Платон приписал кучу странных речей. А я ничегошеньки подобного не говорил! Ты, друг мой, либо неправильно записал, либо намеренно опорочил мое доброе имя! – он с укором посмотрел на Воскресенского. Тот прикрыл лицо ладонями и начал негромко всхлипывать.

– Так, кто у нас дальше... – Скобельцын перевел взгляд на Мякинена.

– Вы, друг мой, вылитый Пифагор. Вы вождь жесткой, иерархизированной и законспирированной организации единомышленников. Но при этом вашими Богами являются числа – пусть и со множеством нулей. И, главное, Вы вегетарианец, судя по сегодняшнему ужину.

– Иногда я ем мясо, – отрезал Мякинен.

– Иногда и Пифагор ел мясо! Так что Вы Пифагор. Без вариантов.

– А еще какие у нас с этим Вашим... какие подвязки-то общие?

Скобельцын задумался.

– Я нащупываю духовное родство интуитивно, используя моментальное впечатление, а не психологическое и биографическое подобие... Но, если Вы изволите сопоставления наглядные, то... Пифагор, например, за знаниями ездил в Египет. – Скобельцын вопросительно вперился в Мякинена. Тот закатил глаза.

– Я ездил в Египет не за знаниями, а за олл-инклюзивом. «Тагигииил!» – он с характерным жестом раскинул руки в стороны.

– Ваш догматизм тоже пифагоровский, как и Ваша непреклонность и нетерпимость к чужому мнению. Активные возлияния возбуждающих и бодрящих напитков отнюдь не противоречат восприятию истины. Вот мы, например, пьем, но мудствуем. Хотя, почему «но»? Пьем и мудствуем. Точнее, пьем, мудствуя!

Мякинен махнул рукой в сторону хозяина.

Скобельцын всмотрелся в Поповича.

– А Вы, любезный, сильно смахиваете на Эпикура. По дороге сюда Ваши коллеги рассказывали, что именно Вы обнаружили Лидию Валерьевну, благодаря тяге к осмотру бань. Я видел, с каким интересом Вы оглядывали здешний интерьер. Вы любите дивные приятные мелочи, получаете удовольствие от простых безделиц, Ваше эстетическое чувство тонко и благородно. Неслучайно именно Вы начали шуровать по дому – кто как не Вы способен отличить подлинность от мишуры! Мягкий нрав, чуткая душа, прекрасная сдержанная веселость – вот что видится мне в Вашей натуре. Вы жрец и жнец тонких, изумительных удовольствий. И даже я, скептический и несколько лукавый Сократ, склоняю голову перед Вашим умением жить и улыбаться миру всепрощающей улыбкой!

– Прочитайте меня, Сократ. – Попович озорно подмигнул Скобельцыну.

– «Прочитайте меня, Сократ». Это если из последнего. А из раннего мне нравится следующее: «Имей всегда в своей библиотеке новую книгу, в погребе – полную бутылку, в саду – свежий цветок». Это, друг мой, не дионисийский разгул хтонического в антропосе, а дыхание ангела, обретшего плоть.

«Сократ» перевел взгляд на Драгомарецкую.

– Гипатия! Гипатия Александрийская! Умная и решительная женщина, жившая во времена исторических перемен. Ученая, как и Вы.

– Гипатия и криминалистикой занималась? – спросила Настя.

– В своем роде. Что исследует астрономия? Баллистику планет, если хотите.

– А сколько она прожила?

– Увы, недолго. Лет пятьдесят, не больше.

Настя облегченно вздохнула.

– Значит, покопчу еще.

Скобельцын оценивающе посмотрел на Белика, задумался.

– С кем же сравнить Вас, спрашиваю я себя. Гностик Маркион! Да-да. Он отделил Ветхий Завет от Нового – то есть то, что не принесет Спасение от того, что им является. А Вы отделили того, кто не мог дать правдивый ответ, от того, кто его дал – и указал мое местонахождение. Ветхий Завет был убит Маркионом, отринут прочь, извергнут из мира, в который пришла Истина. Истина обо мне пришла из уст второго допрошенного – и это в высшей степени символично. Способность добить то, что уже не способно продолжать жить, а также энергичность, личная отвага, отсутствие любых колебаний, быстрота ума и тела – всё это сближает Вас с таинственным учителем первых веков. Скажите, как Вы относитесь к евреям?

Белик поморщился.

– Вот! Маркион был отчаянным антисемитом. Если бы не он, весь христианский мир уже два тысячелетия ходил бы в пейсах и с обрезанным писюном. И также неслучайно, что Вы орудовали на нижнем этаже. Он также учил о зле, лежащем в основе нашего, нижнего мира – куда нужно ворваться с целью его уничтожения.

– Правильно втирал Маракон! Мочить всех, чтоб, суки, кишками срались, чтоб, падлы, говно жрали, чтоб, бля, без херни, а то – нате, твари, прикладом, нате, чтоб сопло в мозг вошло, на, на в ебло, на, на! – Белик рассекал воздух резкими короткими тычками.

Скобельцын крепко задумался, потом подытожил:

– Уничтожать всех людей без разбора, без исследования душевного своеобразия каждого отдельного микрокосма, каждого индивидуума... каждого, рожденного из чрева матернего и от семени отчего – безусловно, необходимо. Но ведь бабы новых нарожают, вот в чем дело.

– Баб мочить первыми! По хребтине, по печенке, по сисярам! С ноги, на, на! – Белик забрыкал ногами.

– Философию зачастую обвиняют в оторванности от жизни, и, увы, небезосновательно. И вот на наш симпозион явился даже не философ-практик, а нечто большее: практик-философ. Пью за Вас, Маркион, стоя! Ура! – Скобельцын резко встал и опрокинул в себя содержимое кубка.

Белик также резко вскочил с места и с размаху ударил по лицу сидевшего рядом Поповича. Тот вместе со стулом упал назад и рефлекторно попытался отползти. Белик начал интенсивно бить его ногами. Попович визжал, ерзая по полу.

– Цветок тебе, падаль, в саду нужен?! Цветок, да?! Любишь цветочки, да?! На! Лютики, бля?! – Белик продолжал месить товарища. – Гладиолусы, да?! Артишоки, бля?! Я твой, сучара, сад твой, козлина, сад твой, на еще, бензином, сука, чтоб это, держи, лови, тварь, на...

– Гиппократ, разряд номер один! – лениво протянул Скобельцын.

В помещение резво вбежал хромавший на левую ногу карлик с электрошокером в руках и ткнул им Белика в ногу. Тот вздрогнул и с грохотом упал на пол. Попович продолжал визжать и беспорядочно дрыгать конечностями. Карлик ловко схватил его руку и укусил в районе запястья. Движения Поповича замедлились и вскоре прекратились.

Скобельцын прикрыл глаза.

– Это уже даже не Маркион с Эпикуром, а прям-таки Лопяхин с Раневской – тот, кто уничтожает прекрасный сад вместе с тем, кто жаждет его сохранить. Лежат сейчас вместе. И это символично, дорогие мои. И тот, кто жаждет изменения, и тот, кто жаждет покоя и отрешенности, в итоге лежат бездыханно.

– Они хоть живы? – устало спросил Мякинен.

– Пока – да. Но это продлится недолго. Лет шестьдесят по самому крупному счету. Что ж, продолжим. Вы, госпожа Амвросимова, в число моих спасителей не входили, потому я не готов говорить о Вас, как о философе. Вы – нечто большее. Вы – гетера! Свободная женщина, презревшая ханжество патриархального лицемерия. Или даже больше – Вы жрица Афродиты, приносящая первого встречного с целью сакрального соития!

Амвросимова игриво-смущенно покосилась на Скобелыцына.

– Об одном хочу Вас попросить. Коли уж Вы были там обходительны с мудрецами всех поколений древности – от Пифагора до Маркиона, то не откажите и тому, кто сочетает таланты философа и физиолога.

Амвросимова оживилась и поднялась с места.

– Гиппократ, разряд номер два! – вновь скомандовал Скобелыцын.

Карлик с прежней резвостью подбежал к Лидии, взял ее за руку и вприпрыжку вывел из помещения.

– Остаетесь Вы, драгоценнейший Юрий Данилович!

Сильно опьяневший Игнатов усталым взглядом посмотрел на Скобелыцына.

– Насчет Вас, наипочтеннейший мой спаситель, у меня нет и никогда не было никаких сомнений. Вы – Гераклит Эфесский или, как его еще называют, Гераклит Темный. Что мы знаем об этом удивительном мыслителе, про которого даже циничный Ницше говорил, что чувствует себя вблизи него теплее, чем где-либо еще? Во-первых, он учил о единстве противоположностей, ибо, цитирую, «это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это». Так и Вы, Юрий Данилович. Вы в каждом своем расследовании, в каждом действии соединяете разрозненные факты и события, часто противоречащие одни другим, и стремитесь объединить их в Одном, в Едином, которое является и причиной любой из частных, и логическим следствием их совокупности. Вы занимаетесь следствием, суммированием, а потому Вы – Гераклит.

Игнатов лениво кивнул и сделал очередной добрый глоток вина.

– Во-вторых, Гераклит называл войну отцом всех вещей. Ведь единство мира и обратимость противоположностей никак не снимает того напряжения, которое испытывает каждая противоборствующая сторона от необходимости сопротивляться поползновениям другой. И в такой войне вечно пребывает космос, являющийся свободной и имморальной стихией становления. Более того, сама оппозиция космоса и хаоса, столь популярная в Античности, совершенно теряет свой смысл при первом звуке гераклитовых речей. Хаос и есть естественное, саморождающее и самопожирающее состояния бытия, ибо «на входящих в те же самые реки притекают в один раз одни, в другой раз другие воды», или, если по-сельпошному, «всё течет, всё меняются». Но ведь и Вы, мой верный заступник, видите мир как вереницу хаотических сполохов жизненной стихии, как бесконечный водоворот преднамеренных случайностей и бессмысленных закономерностей, не так ли? Не Вы ли жрец космического хаоса, увлекающий себя в игру вечного становления?

Возникла пауза, Игнатов звучно икнул.

– А отсюда и «в-третьих», бриллиантовый мой. Гераклиту в стилистическом плане отнюдь не свойственны были абстракции, отвлеченные понятия, существующие исключительно номинально и выращенные в пробирке кабинетной работы. Он был всегда наглядно-конкретен, повернут к вещам, а не к терминам. Что добавляло его философии невероятную даже по греческим меркам визуальность и, как следствие, художественную выразительность и, в итоге, эстетическую экспрессивность. Так и Вы бесконечно далеки от умозрительного дедуктивного абстрагирования. Напротив, Вы признаете реально наличествующие факты в качестве первых и единственных оснований своего метода. И в этом Вы также – несомненный Гераклит. В-четвертых, он, Ваш великолепный и загадочный прототип, признавал огонь главным элементом космоса. И Вы также приводите мир в состояние относительной гармонии именно огнем – тра-та-та-та-та, – Скобелыцын изобразил стрельбу из огнестрельного оружия. – И не будем

забывать, что ваша фамилия образована от ignis, то есть «огненный». Вы – Игнатов, Вы – огненный, Вы – Гераклит.

Возникла пауза. Все оставшиеся за столом молчали, рассеянно глядя в никуда. Лежащий на полу Попович периодически постанывал и подергивался. Белик лежал неподвижно.

– Кстати говоря. При всём сократовском скепсисе к метафизическим и натурфилософским построениям, я сам особенно люблю те места из Гераклита, где он говорит, что Вечность есть играющее дитя, а царем мира является ребенок. Как это верно! Игра, великая игра! Игра веселая, но не смешная, спонтанная, но не бессмысленная, невинная, но не безопасная. Дитя... тот, кто опрокидывает моральное истолкование космической справедливости, но, не преодолевая его, а вообще не ведая о нем! Вернемся, однако ж, к Вам, Юрий Данилович. Пятое, последнее. Нашего философа называли Темным не случайно. Тому причиной были и мистичный стиль выражения мыслей, и сама его личность, склонная к мизантропии и отшельничеству. Не Вы ли также отгораживаетесь от мира, но не стоической апатией или эпикурейской атараксией, а кипящей жаждой жить, реализуемой таким образом, что слова утрачивают свой смысл и превращаются в бессмысленный шум силой неожиданного, но верного деяния? И не такой же Вы мистик, как он, этот таинственный гений древности?

Игнатов с изумлением поднял глаза на Скобельцына.

– Да, друг мой. Вы тоже Темный, тоже презревший звенящую пустоту слова, в отличие от меня, Сократа, – Скобельцын подмигнул, – величайшего пиздобола всех времен! За Вас, сокрушителя мировой гармонии во славу мировой гармонии! Ура!

Он резко вскочил и, не чокаясь с другими, жадно влил в себя остатки вина.

– Ну а теперь... Приз в студию! Протагор!

В зал вошел полный подросток, толкая столик на колесиках. На нем лежали три больших кожаных дипломата. Подросток остановил столик около Скобельцына. Тот уверенными движениями раскрыл первый кейс. Он был наполнен банкнотами достоинством в пятьсот евро.

– Здесь миллион для вас, друзья. И небольшой комплимент от шеф-повара, – хозяин рассмеялся, – двадцать тысяч сверху. Отдайте нашей несравненной гетере, Лидии Валерьевне.

– Наша доля с парнями... Как договаривались? – спросил Игнатова Мякинен.

– Дамоклов меч висит над тобой, – Игнатов указал на потолок.

Мякинен удивленно задрал голову.

Неуловимым движением Игнатов схватил со стола нож и метнул в Мякинена. Железный предмет легко вошел в кадык и застрял в горле. Мякинен издал перекатистый гортанный звук, переходящий в тихое бурление, схватился за пораженное место. Из шеи и рта обильно вылилась кровь. Мякинен с утробным хрипом повалился на бок, трижды рефлекторно потряс головой и застыл.

– Числа всё же сгубили Пифагора, – глубокомысленно произнес Скобельцын.

Воскресенский подошел к Игнатову и поцеловал его в плечо.

Попович по-прежнему лежал на полу и тихо похрапывал.

Игнатов растекся в кресле и закрыл глаза.

Драгомарецкая положила на лепешку кусок козьего сыра и полила его оливковым маслом.

Ефанина и Драгомарецкая позвонили в дверь квартиры Инессы Денисевич. После недолгого диалога через дверь хозяйка согласилась их впустить.

– Как мы уже сказали, мы от Юрия Игнатова, – сказала Настя, войдя в комнату. Гости с собой принесли две походные сумки. – Эта девушка, ее зовут Полина, третий день следит за Вашим домом и за Вами, по его поручению. Я правая рука Юрия и технический руководитель расследования.

– Вы, девушки, тоже пришли поговорить о Боге – как ваш шеф?

– Откуда такое недоверие, извините? – Настя удивленно уставилась на Денисевич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.